

Патрушев Сергей

Тьма любви

Сергей Патрушев

Тьма любви

<https://litres.ru/74523893>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём — демон SSS-ранга, для которого любовь равна слабости. Лили — ангел света, чья доброта способна сжечь дотла. Они враги по природе и напарники поневоле.

Спускаясь в Разлом за головой древнего бога ради баснословной награды, они вынуждены терпеть друг друга. Но когда тьма Артёма сталкивается со светом Лили во время битвы, правила мира меняются.

От ледяной ненависти до отчаянной страсти: это история о том, как самая опасная тварь Бездны поняла, что единственное сокровище, которое стоит защищать ценой апокалипсиса — это хрупкая девушка, называющая его «демоном».

Содержание

Глава 1. Приказ Гильдии	4
Глава 2. Первая стычка	27
Глава 3. Ночь кошмаров	50
Глава 4. Ловушка в руинах	68
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Тьма любви

Глава 1. Приказ Гильдии

Пахло озоном, старой бумагой и застарелым раздражением.

Кабинет Магистра Гильдии Убийц Монстров никогда не менялся. Массивный стол из черного мореного дуба, способный выдержать прямое попадание огненного шара третьего круга, был девственно чист. Лишь в самом его центре лежал один-единственный пергаментный свиток, перетянутый витой лентой цвета запекшейся крови и запечатанный сургучом с оттиском раскрытого глаза — гербом Совета Семи Городов.

Артём стоял перед этим столом, заложив руки за спину. Пальцы его левой руки методично поглаживали рукоять кинжала на поясе. Это было бессознательное движение хищника, который сдерживает желание выпустить когти. Он смотрел не на Магистра, сгорбившегося в глубоком кожаном кресле по ту сторону стола, а на этот свиток. Черные волосы Артёма, стянутые на затылке в небрежный хвост, падали на плечи, скрывая острые кончики ушей — единственное внешнее напоминание о том демоническом пламени, что текло в его венах. Его кожа имела нездоровый, землистый оттенок, свойственный тем, кто десятилетиями про-

водит под землей или в местах разрыва реальности. Глаза цвета застывшей лавы медленно сканировали кабинет, цепляясь за каждую деталь: за потертую обивку кресла, за пыль в углах лепнины, за то, как нервно подрагивает седая борода Магистра.

— Ты издеваешься, старик? — голос Артёма звучал низко, с легкой хрипотцой, словно он давно разучился говорить нормальным человеческим тоном. Каждое слово весило тонну. — Я только вернулся из Разлома Мертвого Ветра. Моя броня еще дымится от ихора кислотной гидры. Мне нужно три дня сна, неделя кровавых ванн для регенерации кожи и месяц тишины. А ты суешь мне новый контракт?

Магистр Элиас тяжело вздохнул, отчего складки на его щеке пришли в движение. Он снял очки в тонкой серебряной оправе и устало потер переносицу. В свои семьдесят лет он видел больше чудовищ, чем любой из молодых магистров Ордена Света, но сегодня даже его легендарное терпение трещало по швам.

— Контракт помечен грифом «Абсолют», Артём, — тихо произнес Элиас, водружая очки обратно на нос. — Это значит, что ты возьмешь его вне зависимости от того, хочешь ли спать, есть или планируешь отправиться в Бездну на пенсию. Подпись стоит самого Архимага столицы. Баснословная награда — это лишь приятное дополнение к тому факту, что если ты откажешься, твоя лицензия будет аннулирована, а метка Гильдии выжжена вместе с куском мяса на твоей гру-

ди.

Артём скривил губы в презрительной усмешке, обнажая чуть более длинные, чем положено человеку, клыки. — Попробуй. Посмотрим, чья магия окажется быстрее, когда я решу вырвать твою глотку прямо здесь. Метка Гильдии держит мою тьму в узде, пока я выполняю работу. Но она не помещает мне свернуть шею тебе лично. Голыми руками.

Элиас не испугался. За сорок лет службы он видел, как Артём сворачивал шеи высшим вампирам, прайд-лордам перевертышей и одному младшему князю демонов. Угрозы наемника были такой же частью его ритуала, как чистка оружия после боя. — Речь идет не обо мне, мальчик. И даже не о деньгах. Восточный Дозорный Перевал пал вчера на закате. Тварь прорвала Стену Плоти. Если она дойдет до Зеленого Листа через неделю, провинция вымрет. Если доберется до Столицы через две — коронация нового Императора пройдет на руинах среди мертвецов. Нам нужен лучший убийца. А ты — единственный Темный ранга SSS, кто сейчас находится на континенте и не состоит в личном рабстве у одного из Домов.

Слово «тварь» заставило Артёма на мгновение замереть. Ранг SSS давался не за красивые глаза цвета лавы. Он получал его за абсолютную, первобытную эффективность. Там, где рыцари света сгорали в собственной праведности, а стихийные маги захлебывались мощностью, Артём просто адаптировался. Его демоническая суть позволяла ему жрать чужую

боль, страх и самую жизненную энергию монстров, становясь только сильнее там, где другие умирали.

Дверь кабинета открылась без стука.

Она вошла так бесшумно, что воздух в комнате, казалось, стал чище и светлее просто от ее присутствия. Артём почувствовал это физически, всем своим проклятым нутром — как внезапный ожог, как тошнотворно-сладкий запах гниющих цветов посреди бойни.

Лили.

Ее доспех сиял полированным мифрилом, отражая тусклый магический свет настенных ламп. На нагруднике была искусно вычеканена ветвь цветущей яблони. С плеч струился белоснежный плащ, на котором не было ни единой пылинки, хотя снаружи штаб-квартиру Гильдии заливало осенним дождем со смесью пепла из ближайшего вулкана. Ее светлые волосы, похожие на расплавленное золото, были заплетены в сложную косу, уложенную вокруг головы. Кожа казалась фарфоровой, почти прозрачной, и сквозь нее едва заметно просвечивала сеть тонких голубых сосудов — признак чистой ангельской крови. Она остановилась ровно в трех шагах от двери, сложив руки перед собой в традиционном жесте приветствия Целительного Круга. От нее исходил мягкий, теплый свет, какой бывает в ясное весеннее утро.

Артём медленно повернул голову. Его желтые глаза сузились в две вертикальные щели. Демоны ненавидят свет не потому, что он причиняет им физическую боль. Они нена-

видят его за контраст. За то, как ярко он подсвечивает всю грязь, все тени, которые они предпочитают оставлять во мраке.

— Какого Бездного Принца тут происходит? — процедил Артём, полностью игнорируя этикет. — Старик, ты решил устроить благотворительный утренник? Пригласил святую, чтобы она помолилась над моим трупом, прежде чем я выйду на дело?

Лили посмотрела на него. Прямо, открыто, без страха и отвращения. В ее огромных глазах цвета летнего неба плескалось бесконечное, вселенское спокойствие. Для существа, сотканного из эссенции любви и созидания, гнев демона был подобен лаю комнатной собаки.

— Мир тебе, брат, — мелодичным голосом произнесла она. Слово «брат» в ее устах прозвучало настолько неуместно рядом с оскалом Артёма, что у Элиаса дернулось веко. — Совет направил меня в усиление. Древний, пробудившийся на Перевале, имеет двойственную природу. Чистая сила Света иссушит его оболочку, но укрепит ядро. Чистая сила Тьмы накормит его голод, сделав практически неуязвимым. Только баланс противоположностей сможет разорвать цикл его возрождения.

— Баланс? — Артём издал звук, похожий на скрежет камней. Он сделал шаг вперед, намеренно вторгаясь в ее личное пространство. Волна холода и запаха серы двинулась перед ним, гася цветы на вышитом узоре ее плаща. Ангельская

сущность внутри Лили должна была содрогнуться от такого соседства. — Этот ходячий маяк добродетели будет бегать вокруг древнего ужаса и петь гимны, пока я буду рвать его на части? Или она собирается лечить этого монстра, когда я начну ломать ему кости? Очаровательно. Я работаю один, Элиас. Всегда работал. Светлая леди будет только мешать. Своим светом она ослепит мои поисковые чары. Своими песнопениями выдаст нашу позицию. А своей непроходимой наивностью подставит нас обоих под удар.

— Я приму любую волю Совета, — спокойно ответила Лили, переведя взгляд на Магистра. Ни одна черта ее идеального лица не дрогнула под напором демонической ауры Артёма. — Если моя роль заключается в том, чтобы исцелять раны моего партнера и поддерживать щиты, пока он наносит удар, я выполняю ее. Если потребуется отдать свою жизнь, чтобы прикрыть его отход, я сделаю это без колебаний.

Это взбесило Артёма окончательно. Не слова. А та невыносимая, железобетонная уверенность, с которой они были сказаны. Она уже записала его в свои подопечные. В объект опеки.

— Партнера? — переспросил он, и температура в кабинете упала еще на десять градусов. По стеклам окон пополз иней. — У меня нет партнеров. У меня бывают временные попутчики, чьи кишки обычно украшают стены пещеры минут через двадцать после встречи с целью. Скажи ей, старик. Пусть возвращается в свой монастырь, гладить единорогов.

Элиас посмотрел сначала на разъяренного демона, затем на абсолютно спокойную ангелицу. Любой другой глава гильдии начал бы истерику. Элиас просто достал из ящика стола два тяжелых бронзовых жетона на серебряных цепях и бросил их на стол.

— Хватит, — отрезал он. — Вы оба подписываете это прямо сейчас. Вот стандартный договор найма. Срок — тридцать дней. Цель — уничтожение цели, известной как «Морок Глубин». Место действия — Восточный Перевал и прилегающие территории Запустения. Наградой за подтвержденную ликвидацию является полный доступ к Сокровищнице Короны, титул Владетеля Перевала и земельный надел размером с небольшое графство. Плюс возмещение всех расходов. Золото — авансом.

Он толкнул к ним второй свиток — тот самый, с печатью в виде глаза.

Артём проигнорировал бумагу. Он смотрел на Лили.

— Смотри на меня, святая, — прошипел он, наклоняясь к ней. Теперь их разделяли считанные сантиметры. Он мог видеть каждую ресницу на ее лице, мог почувствовать бие-ние ее сердца — ровное, размеренное, невероятно быстрое для человека. — Я — потомок Дома Шепчущего Пламени. Во мне течет кровь инкубов и суккубов. Я убиваю ради удовольствия, потому что деньги мне нужны лишь для покупки редких реагентов для пыток. Я поглощаю души тех, кто встает у меня на пути. Когда мы встретим Морока, я буду

купаться в его предсмертном ужасе. Я стану сильнее от его боли. Что твой пресветлый конструкт сделает против этого? Расскажешь ему сказку на ночь? Попытаешься полюбить его до смерти? Любовь не режет плоть, девчонка.

Лили долго смотрела в его горящие желтые глаза. Затем она сделала то, чего Артём никак не ожидал. Она улыбнулась. Легкой, едва уловимой улыбкой, от которой ямочки проступили на ее фарфоровых щеках.

— Ты боишься не меня, — тихо сказала она. — Ты боишься того, что увидишь в моем свете. Свою собственную пустоту. Ты думаешь, любовь слаба, потому что путаешь ее с жалостью. Но истинная любовь — это самая разрушительная сила во Вселенной. Солнце способно ласково согреть колос пшеницы, но оно же способно испепелить город дотла. Я принимаю этот контракт, Магистр.

Она взяла бронзовый жетон. Едва ее пальцы коснулись холодного металла, жетон вспыхнул мягким белым огнем, принимая привязку к ауре. Никакого жара, никакого разрушения. Просто чистый, концентрированный свет.

Артём смотрел на этот жетон, чувствуя, как демон внутри него заходится в беззвучном крике. Быть связанным магическим контрактом с источником света... Для его физиологии это означало постоянную, зудящую чесотку на клеточном уровне. Каждый вдох рядом с ней будет требовать усилий.

— Я отказываюсь, — глухо бросил он, разворачиваясь к

выходу. — Засуньте свой контракт Архимагу в...

— Стоять, — голос Элиаса впервые сорвался на рык, в котором не осталось ничего от уставшего старика. — Контракт Абсолют. Статья четвертая Устава Гильдии. Неподчинение приказу при угрозе категории «Глобальное вымирание». Знаешь, что это такое, выкормыш Бездны?

Артём замер вполоборота. Его плечи напряглись. Он знал. Казнь на месте не самой подходящей плетью, которая вытянет душу раньше тела. Или хуже — передача в подвалы Инквизиции для опытов по извлечению демонического ядра.

Медленно, очень медленно, источая волны концентрированной ненависти, он подошел к столу. Его движения стали плавными, звериными. Он навис над пергаментом, отбрасывая на него густую, шевелящуюся тень. Свиток «Мора Глубин» пах древностью, солью и разложением.

Его рука, покрытая мелкими чешуйками и старыми шрамами, зависла над самопишущим пером.

— Если ты попытаешься наложить на меня свои целительные чары, ангел, — не поворачивая головы, прорычал Артём, обращаясь к стоящей позади Лили. — Я сломаю тебе обе кисти. Если ты зажжешь свое благословение ярче свечи, я заткну тебе рот кляпом из твоего же собственного плаща. Мы идем во Тьму. А там твои фокусы с радугой не работают. Там работает только сталь, яд и жестокость. Оставь свою доброту для трактирных шлюх, может, они оценят.

— Я запомню твое пожелание, — ровно ответила она. —

Но мой долг — защищать жизнь. Включая твою, когда ты совершишь очередную глупость, полезшую напролом.

Артём криво ухмыльнулся, обнажив ряд острых зубов, и резким движением подписал контракт. Самопишущее перо оставило след густой, черной, дымящейся жидкостью, которая впиталась в пергамент, оставив на нем слегка светящийся багровым контур его подписи.

Как только последняя завитушка была выведена, невидимая кувалда опустилась на его сознание. Метка Гильдии на его груди, сплетенная из теней, обожгла кожу. Она теперь была связана. Навсегда, до выполнения условий или смерти одной из сторон.

Элиас удовлетворенно кивнул и взял второй жетон, протягивая его Лили. Та приняла его свободной рукой. Два камня в центрах жетонов одновременно пульснули — черный, пожирающий свет, и белый, рождающий его. Они идеально уравновесили друг друга, создавая странную, вибрирующую гармонию.

— Детали контракта в этом кристалле, — Элиас положил на стол матовую сферу. — Выезжаете через час. Провизия, зелья восстановления, антидоты от скверны — получите на складе. И да хранит вас Равновесие. Потому что сами вы точно перегрызете друг другу глотки еще до первого привала.

Артём молча схватил кристалл. Его пальцы сомкнулись на поверхности, и сфера пошла мелкой сеткой трещин от давления его хватки, но выдержала. Он развернулся, собираясь

покинуть кабинет, даже не взглянув на свою новую «напарницу».

Лили поправила лямку небольшой кожаной сумки, висящей у нее на плече. Внутри не было оружия — лишь бинты, мази, несколько флаконов со святой водой и сушеные травы.

— Позволь помочь тебе со сборами, — предложила она, делая шаг вслед за ним. — Тебе понадобится мазь от ожогов хаоса, левая сторона твоего плаща повреждена кислотой. И запасные шнурки на ботинки. Эти скоро лопнут.

Артём остановился в дверях, обернувшись через плечо. Желтый огонь в его глазах встретился с небесной синевой ее взгляда.

В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина. Весь вид Артёма кричал о желании совершить акт неспровоцированного насилия. Он хотел впечатать эту безупречную, сияющую женщину в стену, чтобы выбить из нее эту идиотскую заботу и понимание.

Но контракт держал крепче любых цепей.

— Не смей ко мне прикасаться, — тихо, почти интимно произнес он, чеканя каждое слово. — Не смей открывать рот, если я не задаю вопрос. И держись в десяти шагах позади. Твой свет привлекает таких тварей, которых даже я предпочитаю обходить стороной. Ты поняла меня, святоша?

Лили склонила голову в легком поклоне, соглашаясь. — Поняла. Десять шагов позади.

Она не добавила «ради твоего же блага», но Артём прочи-

тал это в ее глазах. Эта снисходительность бесила его больше открытой агрессии.

Он вышел в коридор, громко хлопнув тяжелой дубовой дверью.

Лили осталась стоять посреди кабинета. Она посмотрела на дрожащие руки магистра Элиаса, подошла к нему и мягко забрала пустой кубок, из которого тот пил успокоительный отвар. — Вам тоже нужно отдохнуть, учитель, — сказала она, и ее ладони окутались теплым золотистым свечением. Мелкие трещины на коже старика начали затягиваться, а глубокие тени под глазами отступили. — Буря только начинается. Чтобы удержать корабль на плаву, капитан должен быть трезв.

Элиас проводил взглядом удаляющуюся по коридору фигуру. Белый плащ плыл по грязному каменному полу, оставляя за собой едва уловимый аромат луговых трав. Где-то в конце коридора раздался громкий, агрессивный рык Артёма, требующего немедленно выдать ему его ездового варга, и испуганный визг младшего кладовщика.

Старик тяжело опустился в кресло. Он вынул из кармана мантии серебряную фляжку, открыл крышку и сделал долгий глоток. Огненный эльфийский бренди опалил горло, возвращая способность соображать.

— Они уничтожат либо монстра, — пробормотал он в пустоту кабинета, глядя на погасший светильник, — либо половину континента в процессе выяснения отношений. Став-

лю сто золотых на второе. Да смиляется над нами Равновесие.

Восточный ветер бил в лицо ледяной крошкой.

Земли Преддверья представляли собой унылое зрелище. выжженная равнина, некогда бывшая плодородными угодьями баронства Гринхолл. Теперь здесь росли только черные, узловатые деревья с сочащимися слизью стволами. Небо имело болезненный фиолетовый оттенок — верный признак того, что ткань реальности в этих местах истончилась до состояния папиросной бумаги.

Артём сидел верхом на своем варге — огромном, мускулистом существе размером с хорошего теленка, покрытом жесткой бурой шерстью, с пастью, полной игольчатых зубов, способных перекусить стальную подпругу. Зверь нервно перебирал лапами, втягивая ноздрями воздух. Он чувствовал впереди нечто, от чего шерсть на загривке стояла дыбом. Варг принадлежал Тьме, и то, что пугало порождение Бездны, заслуживало уважения.

Сам Артём выглядел органичной частью этого пейзажа. Его тяжелый дорожный плащ из шкуры василиска сливался с мертвой землей. Лицо было скрыто под широким капюшоном, поверх которого были надеты зачарованные очки-полумаска с линзами из вулканического стекла. Они защищали зрение от вспышек некротической энергии.

Рядом с ним, на изящной белой лошади редкой алайской

породы, ехала Лили.

Контраст был оскорбительным для здравого смысла. Ее лошадь ступала по пропитанной смертью земле так легко, словно шла по облакам. Копыта животного не поднимали пыли. Более того, трава под ними, сухая и мертвая уже десятки лет, начинала слабо зеленеть, пытаясь пробиться навстречу теплу, исходящему от наездницы. Сама Лили сидела в седле с прямой спиной, ее белые одежды оставались идеально чистыми, несмотря на налет пепла, покрывающий весь регион. Она не использовала очков, ее глаза были открыты, и она смотрела на искореженный горизонт с искренним, глубоким состраданием.

— Три часа езды, — нарушил молчание Артём. Его голос, искаженный металлическим фильтром маски, звучал глухо. — До Перевала. Еще час до точки последнего сигнала дозорных. Если эта штука движется с той скоростью, о которой докладывали разведчики, мы уже опоздали встретить его на границе. Придется работать по свежим следам.

— След ведет вон туда, — Лили указала рукой влево, где клубящиеся тучи касались верхушек мертвых деревьев. — Боль земли ощущается именно оттуда. Это похоже на открытую рану размером с целую долину.

Артём скосил на нее глаза. — Боль земли? Святой отец учил тебя географии? Есть карта, клинок и компас. Пользуйся ими. Твои эмпатические сопли собьют мне настройки поисковых чар.

— Я чувствую направление жизни, — пояснила она так терпеливо, будто объясняла ребенку, почему нельзя трогать горячий утюг. — Там, где прошел Морок, остается зона абсолютного нуля. Полное отсутствие жизненной силы. Мой внутренний компас просто указывает на самую холодную точку. Разве твои демонические чувства не говорят тебе о том же? О предвкушении пиршества?

Варг под Артёмом внезапно зарычал, припав к земле. Артём резко вскинул руку, приказывая зверю замолчать.

— Замри, — процедил он. — И выключи свое солнце. Сейчас же.

Лили удивленно моргнула, но спорить не стала. Теплый ореол, окружавший ее, мгновенно схлопнулся, погружая девушку в обычный дневной свет. Она почувствовала, как мир вокруг стал грубее, холоднее и враждебнее, и поежилась, плотнее запахиваясь в плащ.

Артём медленно сполз с седла, прижимаясь к земле. Его движения потеряли всякую человечность, став текучими и абсолютно бесшумными. Он принялся, раздувая ноздри.

Воздух впереди дрожал. Не от жара, а от колоссального давления чужой воли.

На дороге, метрах в пятистах от них, преграждая путь к перевалу, стояло дерево. Нет, то, что *выглядело* как огромный старый дуб. Его кора была похожа на панцирь жука, отливающий нефтяным блеском. Вместо листьев ветви покрывали тысячи человеческих глаз. Они постоянно моргали,

вращались в орбитах, фокусируясь на путниках. Из-под корней вытекал густой туман цвета разбавленного молока. Там, где этот туман касался земли, камни превращались в труху за секунды.

— Глазастик, — констатировал Артём, поднимаясь и доставая из-за спины свой меч.

Оружие не было классической клейморой или бастардом. Это был массивный тесак-фламберг с волнистым лезвием, длиной в полтора метра. Рукоять была обмотана кожей, снятой с ладони архидемона. Меч не отражал свет — он жадно всасывал его, и само лезвие казалось провалом в абсолютную темноту.

— Молодняк, — добавил наемник, проверяя большим пальцем остроту зазубрин. — Настоящий Морок глубже. Это часовой. Или страж. Дешевый, одноразовый. Сделан из десятка крестьян, попавших под первый выброс скверны.

— Оно страдает, — тихо сказала Лили, глядя на вращающиеся глаза. Один из них, человеческий, синий, вдруг выделил ее из пары и уставился прямо на нее, наполненный нечеловеческой мукой. — Каждая душа внутри этой формы осознает себя. Они заперты в вечной агонии сборки.

— Это не души, — отрезал Артём. — Это корм. Биомасса. Морок выпьет их досуха, как только закончит формировать тело. Сентиментальность убьет тебя быстрее, чем его кислота, Лили. Запомни первое правило: если оно выглядит как монстр, пахнет как монстр и хочет тебя убить — это монстр.

Не пытайся разглядеть в нем прекрасного лебедя. Бей в суставы. Я отвлеку, ты руби. И молись своему богу, чтобы твои ножички смогли пробить эту кору.

Он не стал ждать ответа.

Артём выдохнул. Воздух вокруг него пошел маревом, как над костром. Температура поднялась мгновенно. Демоническая метка на его груди вспыхнула багровым светом, проступив сквозь одежду. Он швырнул себя вперед одним мощным прыжком, которому позавидовал бы горный барс. Расстояние в пятьсот метров сократилось до тридцати в одно мгновение.

Тварь отреагировала. Туман под ее корнями взвихрился, уплотняясь в копьа. Сотня белых пик рванулась навстречу наемнику.

Артём рассмеялся. Громко, безумно, запрокинув голову. Звук его смеха был похож на треск сухого дерева в пожаре.

Он крутанул фламберг над головой. Лезвие прочертило в воздухе черный полукруг. — *Инферно!*

Из клинка вырвалась не просто волна огня. Это был поток жидкого, структурированного мрака, смешанного с первородным пламенем Бездны. Огонь не сжигал — он *разрывал* материю на атомы. Копья тумана испарились, не долетев. Само пространство пошло рябью.

Тварь заверещала тысячей голосов. Глаза на ветвях расширились от ужаса. Демонический огонь был единственным, что могло причинить ей настоящую боль.

Артём врезался в основание ствола. Фламберг вошел в черную кору с влажным хрустом, как в перезрелый арбуз. Наемник навалился всем весом, используя инерцию прыжка, пропиливая ногу чудовища до самой сердцевины.

Дерево качнулось. Тысячи глаз синхронно моргнули и уставились на обидчика. Из среза хлынула не древесная смола, а вязкая, фосфоресцирующая лимфа.

И тогда вступила Лили.

Она не спешила. Белая лошадь, послушная воле хозяйки, сделала короткий разбег. Лили поднялась в стремях. В ее руках не было оружия, но между ладонями формировался шар слепящего белого света, размером с пушечное ядро.

— *Анафема Скверне!* — ее голос прозвенел над равниной чистым колокольным звоном.

Шар сорвался с ее рук. Он летел медленнее, чем снаряд баллисты, но воздух вокруг него сгорал. Туман, стелющийся по земле, испарялся с жалобным шипением. Шар ударил точно в срез, оставленный мечом Артёма.

Раздался звук, с которым сталкиваются вселенные. Визг демонического пламени столкнулся с гулом божественного очищения. Черная кора Глазастика не загорелась. Она начала *шелушиться*, осыпаясь серым пеплом. Глаза на ветвях взрывались один за другим, лопаясь, как мыльные пузыри, исторгая облачка пара.

Артём отпрыгнул назад, уходя от фонтана кипящей лимфы. Он приземлился в пяти метрах, тяжело дыша. Демони-

ческая энергия требовала огромного расхода калорий.

— Неплохо, — прохрипел он, глядя, как верхняя половина чудовища оседает кучей дымящегося праха. — Для сажовницы. Осталась нижняя часть. И корни. Они всегда уходят глубоко.

Корни действительно пришли в движение. Обугленные, лишённые контроля сверху, они извивались, как змеи, пытаясь схватить лошадей.

Лили соскочила на землю. Ее движения были грациозны, но в них появилась сталь. Она выставила руки перед собой, ладонями вниз. — *Терра Сана.*

Зеленоватое, мягкое свечение разошлось от нее кругами. Там, где оно касалось умирающей земли, убитой скверной, прорастали изумрудные ростки. Но направлены они были не вверх. Светлые побеги, похожие на молодые лозы, выстрелили в сторону корчащихся корней твари. Они обвивали мертвую древесину, проникая в поры.

Свет боролся с тьмой не разрушением, а ассимиляцией. Корни Глазастика замедлили движение, покрылись светящейся плесенью и начали рассыпаться в прах.

— Добивай сердце! — крикнул Артём, указывая фламбергом на центр пня. — Пока я держу периметр!

Он снова бросился в бой. Теперь его целью были оставшиеся целые глаза. Каждый взмах его меча снимал с ветвей гроздь зрительных органов. Он не просто рубил — он собирал жатву. С каждым поглощенным глазом, с каждой круп-

цей страдания, заключенной в этом конструкте, метка на его груди пульсировала сытостью. Он становился быстрее. Его рефлексy обострялись до невозможного предела.

Лили подбежала к центру пня. Она видела пульсирующий там комок темно-фиолетового света — нервную систему конструкта. Девушка опустилась на колени прямо в пепел, прижала ладони к горячей, умирающей древесине.

— Прости нас, — прошептала она. — Мы обещаем, что ваши оболочки обретут покой.

Ее ладони засияли так ярко, что смотреть на них стало невозможно. Это был не боевой удар. Это было глубокое, хирургическое вмешательство. Свет проникал в структуру магии Морока, находя узлы связи, питавшие конструкцию болю пойманных людей. Узлы лопались. Агония конструкта достигла пика, выразившись в беззвучном ментальном крике, от которого у обычного человека лопнули бы барабанные перепонки.

Артём, почувствовав этот всплеск, инстинктивно упал на одно колено, зажимая уши. Даже его демоническая натура содрогнулась от такого количества чистого отчаяния, выпущенного на свободу.

А затем наступила тишина.

Пень взорвался изнутри, рассыпавшись мелким гравием. Волна очищающего воздуха прокатилась по равнине, разгоняя фиолетовые тучи. Впервые за долгие годы над Преддверьем показалось настоящее, бледно-голубое небо. Трава под

ногами Лили стремительно зеленела, покрываясь росой.

Наемник поднялся, тяжело опираясь на фламберг. Клинок дымился. Демоническое пламя гасло, втягиваясь обратно в металл. Артём выглядел истощенным. По вискам катился пот, темные пятна пошли по одежде там, где его задело брызгами лимфу. Процесс переваривания чужой боли всегда имел побочные эффекты — кратковременную слабость, пока организм усваивал энергию.

Лили сидела на коленях посреди вновь оживающей поляны. Она тяжело дышала, ее плечи вздрагивали. Использование *Анафемы* последующего массового исцеления-выживания выжгло ее собственные жизненные силы почти до дна. Священники называют это «ценой милосердия».

Артём подошел к ней. Его тень упала на ее склоненную фигуру.

— Подъем, — грубо бросил он. — Слезы будешь лить в монастыре. У нас график.

Лили подняла голову. На ее щеке блестела единственная слеза, чистая, как алмаз. Она стерла ее тыльной стороной ладони и попыталась встать. Ноги подкосились. Переутомление и резкое падение магического фона дали о себе знать.

Артём не вздохнул. Он просто шагнул вперед, подхватил ее под локоть сильной, покрытой шрамами рукой и рывком поставил на ноги. От контакта его обожженной, холодной кожи с ее теплой рукой обоих передернуло. Для него ее свет был как тысяча мелких укусов. Для нее его тьма — как ле-

дяной сквозняк в склепе. Но контракт удержал их ауры от взаимного аннигилирования.

— Идти можешь? — спросил он, не разжимая хватки. Его хватка была железной. — Могу, — кивнула она, выравнивая дыхание. — Спасибо. Тот корень... он собирался схватить твоего варга. Ты спас его.

Артём отпустил ее так резко, словно обжегся. Он отвернулся, пряча лицо, на котором промелькнуло сложное выражение, далекое от привычного цинизма.

— Заткнись, — приказал он, подходя к своему зверю. — Садись в седло. До Перевала еще далеко, а я хочу успеть сожрать горячего кабана в гарнизонной столовой до того, как там начнется настоящая паника. И смени плащ. От чистоты блевать тянет.

Лили посмотрела на свой белоснежный плащ. Действительно, на подоле появилось небольшое серое пятно от пепла. Она провела над ним рукой, и ткань снова засияла первозданной белизной.

Затем она легко взлетела в седло.

Артём запрыгнул на своего варга. Огромный зверь мотнул тяжелой башкой, одобрительно фыркнув.

Они тронулись дальше. Белоснежная лошадь и черный, как сама ночь, варг шли бок о бок. Артём намеренно пустил своего зверя чуть вперед, увеличивая дистанцию, но краем глаза постоянно контролировал силуэт девушки позади.

Первый час совместного путешествия закончился. Впере-

ди, за грядой почерневших холмов, поднимались к свинцовому небу шпили Восточного Дозорного Перевала. И столб жирного, совершенно неестественного черного дыма, который не могли разогнать никакие божественные ветра.

Настоящая работа только начиналась.

Глава 2. Первая стычка

Гарнизон Восточного Перевала встретил их запахом горелого мяса и паники.

Крепость, веками считавшаяся неприступной из-за своего расположения на узком скальном карнизе над пропастью, выглядела как разворошенный муравейник. Ворота были распахнуты настежь, хотя по уставу в военное время они должны быть запечатаны тремя слоями адамантитовых решеток. Стражники — те, кто еще сохранил человеческий облик и рассудок — носились по стенам с ведрами песка, пытаясь затушить тлеющие участки частокола. Но песок не помогал. Там, где прошел Морок Глубин, обычное пламя становилось «голодным». Оно питалось не деревом или воздухом, а самой надеждой тех, кто пытался ему противостоять.

Артём остановил варга у коновязи трактира «Последний Приют», единственного каменного здания внутри форта, которое пока избежало прямого удара скверны. Он спрыгнул на брусчатку, даже не посмотрев в сторону Лили. Та грациозно спешила со своей алайской кобылы двумя секундами позже. Ее лошадь фыркнула, тряхнула гривой, и несколько капель крови, запекшейся на ее боках от ран дозорных, которых она исцелила прямо в седле по пути сюда, упали на землю. Капли зашипели, но не оставили темного следа — светлая магия стерилизовала их еще в полете.

— Жди здесь, — бросил Артём через плечо, закрепляя поводья. Его голос звучал глухо из-под зачарованной маски. — И держись подальше от западных казарм. Там сейчас пирует остаточный фон того Глазастика. Если вдохнешь полной грудью, твой ангельский нимб может замкнуться, и ты ослепнешь сама себе назло.

Лили ничего не ответила. Она лишь поправила ремешок своей сумки с травами и двинулась вслед за ним. Белый плащ плыл за ней по грязной мостовой, покрытой пеплом, кровью и следами когтей. Контраст между ее нетронутым обликом и окружающей разрухой был настолько диким, что солдаты останавливались и провожали ее взглядами, в которых смешивались суеверный ужас и отчаянная надежда. Для них появление мага любви такого ранга было равносильно явлению архангела Михаила во плоти.

Артём чувствовал эти взгляды кожей. Каждое лицо, обращенное к его спутнице с мольбой, заставляло желваки на его скулах ходить ходуном. Ему не нужны были свидетели ее святости. Это делало его работу сложнее. Монстры чувствуют праведность так же безошибочно, как акулы чувствуют кровь. А демоны ненавидят конкуренцию за души.

Они вошли в штаб гарнизона. Внутри царил хаос, пахнувший дешевым табаком, потом и формальдегидом. На огромном столе оперативного планирования была расстелена карта региона, прижатая по краям пустыми кружками из-под эля. Офицеры металась от стола к столу, перекрикивая друг

друга. У дальней стены группа целителей Ордена Света пыталась удержать в живых капитана стражи. От капитана осталось немногим больше половины: левая часть его торса превратилась в черно-фиолетовое желе, пронизанное шевелящимися белыми нитями — корнями Морока, которые продолжали расти уже внутри тела, переваривая человека заживо.

Артём подошел к столу, бесцеремонно сбросив локтем чей-то недоеденный завтрак на пол. Он навис над картой, изучая пометки красным карандашом. Красные линии обрывались резко, превращаясь в черные кляксы гари.

— Где точка прорыва? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. Его пальцы пробежались по пергаменту, оставляя на нем едва заметные следы копоты. — Северные шахты! — выкрикнул молодой лейтенант с перевязанной головой. — Старая штольня Серебряных Криков! Туда отправили Третий легион два дня назад для проверки слухов о руде мифрила. Мы потеряли связь с ними вчера в полдень. Сегодня утром... сегодня утром оттуда вышла только одна повозка. В ней были куски доспехов. И голова полковника, насаженная на его же собственный штандарт. Голова... она все еще кричала.

Артём хмыкнул. Звук не получился, вышел лишь сухой выдох. — Мифриловая жила. Идеальный резонатор. Эта тварь нашла аккумулятор божественной энергии. Теперь понятно, почему она растет быстрее, чем мы успеваем считать

конечности. Старик Элиас ошибся. Нам дали ложные вводные. Это не просто древний монстр. Это матка улья, которая жрет саму структуру реальности.

Он выпрямился, хрустнув позвонками. Демоническая метка на его груди под одеждой пульсировала в такт далеким подземным толчкам. Голод становился почти невыносимым. Ему нужно было спуститься вниз. Почувствовать первородный ужас тысяч людей, запертых в темноте шахт. Только это утолит зуд под кожей.

В этот момент один из старших целителей у стены издал сдавленный стон отчаяния. Капитан стражи выгнулся дугой в последний раз и затих. Белые нити Морока победоносно прыснули сквозь ребра, заполняя освободившееся пространство черной жижей. Человек умер окончательно.

Целитель, пожилой мужчина в серой робе, дрожащими руками закрыл мертвые глаза офицера. Он обернулся, ища взглядом кого-то, кто мог бы помочь, и заметил Лили, стоящую в дверях.

— Госпожа! — воскликнул старик, бросаясь к ней. — Ваше присутствие... Благословение Равновесия покинуло эти стены. Скверна слишком глубока. Наши молитвы вязнут в воздухе!

Лили плавно скользнула мимо замершего Артёма. Ее движения напоминали течение воды. Она опустилась на колени рядом с мертвым капитаном, совершенно игнорируя брезгливую гримасу наемника.

— Слишком поздно для этого сосуда, — тихо сказала она, кладя ладони на остывающий лоб мужчины. — Но я могу очистить путь для его души, чтобы Морок не поглотил ее в Серых Пределах.

Ее руки окутались мягким жемчужным сиянием. Свечение было таким нежным, что казалось материальным. Оно начало растекаться по телу мертвого капитана. Черные нити Морока, оплетавшие труп, задымились. Они съеживались, отступая от света, словно живые змеи от факела. Процесс занял всего несколько секунд. Когда свечение погасло, кожа капитана стала чистой, черты лица разгладились, избавляясь от предсмертной муки. Он снова выглядел просто уснувшим старым солдатом.

Лили поднялась, вытирая выступивший на лбу пот. Использование магии высокого порядка всегда требовало колоссальных затрат собственной витальной силы.

— Благодарю вас, госпожа, — прошептал старый целитель, склоняя голову. — Вы подарили нам надежду.

Она лишь кивнула и повернулась к выходу. Ее взгляд случайно упал на левую руку Артёма, которой тот опирался о край стола.

Под кожаным наручем скрывалась старая рана. Даже сквозь толстую кожу перчатки просвечивал багровый шрам, формой напоминающий застывший язык пламени. Рана некротическая. Такие оставляют высшие вампиры или падшие паладины своим жертвам, впрыскивая кислоту презре-

ния вместе с зубами. Края раны постоянно меняли цвет от черного до гнойно-зеленого. Магия исцеления обошла ее стороной много лет назад, оставив медленно отравлять кровь владельца.

Лили нахмурилась. Как существо, чья суть заключалась в гармонии тел и душ, она физически ощущала дисбаланс в теле демона. Его регенерация работала на износ, сжигая жизненную силу хозяина, чтобы сдерживать яд.

Когда они вышли обратно на улицу, под свинцовое небо, Артём резко схватил ее за предплечье, втягивая в узкий проулок между оружейной и складом фуража. Проулок вонял дегтем и кислым вином. Наемник прижал девушку к холодной каменной стене, загородив собой выход. Его фигура источала угрозу, желтизна глаз в тени капюшона пылала особенно ярко.

— Еще раз полезешь к моим людям со своими утешениями, и контракт будет разорван самым болезненным способом, доступным в этом мире, — процедил он, приблизив свое лицо вплотную к ее. От него пахло озоном, серой и старой кровью. — Ты поняла? Гарнизон должен бояться. Страх держит их клинки прямыми. Твоя жалость делает их мягкими. Мне не нужен полк блаженных идиотов, готовых подставить шею первому же гоблину ради твоего благословения. Я собираюсь вести их в мясорубку.

Лили не дрогнула. Она стояла ровно, глядя ему прямо в зрачки. Расстояние между их губами было ничтожным. —

Я исцелила мертвого, Артём, — спокойно возразила она. — Чтобы спасти его душу. Живым я предлагаю помощь иного рода. Посмотри на свою руку.

Она свободной рукой указала на его левый наруч.

Артём инстинктивно дернул плечом, пытаясь отстраниться, но хватка девушки оказалась неожиданно сильной. Ангельская сила, подкреплённая волей, удерживала его стальной скобой. — Не смей... — Позволь мне снять боль, — перебила она. Голос оставался мелодичным, но в нём прорезался металл церковных колоколов. — Яд в твоей руке распространяется. Он конфликтует с меткой Гильдии. Именно поэтому ты так агрессивен. Твой разум затуманен постоянной лихорадкой. Я могу вытянуть скверну одним прикосновением. Тебе даже не придется просить.

— Мне не нужна твоя жалость, ангел, — прорычал он, и его зубы удлиннились, принимая звериный вид. — Ни телесная, ни душевная. Особенно душевная. Думаешь, я не вижу, что ты делаешь? Ты пытаешься «исправить» меня. Ты смотришь на демона-полукровку и видишь сломанную игрушку, которую можно подклеить своей святой слюной. Запомни раз и навсегда: мои шрамы — это моя история. Моя гниль — это мой щит. То, что не убило меня, сделало меня ядовитым для таких, как ты. Убери свои лучи добра от моего тела, иначе я продемонстрирую тебе, насколько токсичной может быть моя физиология при прямом контакте.

Он отпустил ее так же внезапно, как и схватил. Сделал

шаг назад, разрывая дистанцию. Воздух между ними зазвенел от столкновения двух противоположных стихий. Камень стены позади Лили пошел трещинами там, где ее коснулась тьма ауры Артёма.

Лили медленно выдохнула, расправляя плечи. Она посмотрела на свой рукав, который он сжимал. Ткань осталась цела, но на коже девушки проступили красные пятна — микро-ожоги от концентрации демонического присутствия.

— Дело не в исправлении, — произнесла она, глядя теперь поверх его головы, на шпиль главной башни крепости. — Дело в эффективности. Воин с сепсисом сражается хуже здорового. А ты идешь против сущности, которая является воплощением вселенского заражения. Если твой собственный организм борется сам с собой, ты станешь легкой закуской для Морока прежде, чем успеешь занести меч.

— Легкая закуска? — Артём издевательски осклабился. — Ты хоть понимаешь, с кем говоришь? — Он сорвал с левой руки перчатку и задрал рукав куртки, обнажая жуткий ожог-насмешку. — Видишь это? Граф Валирийский, Мастер Школы Алого Клинка. Лучший дуэлянт Севера. Он вырезал на мне эту печать три года назад. Сказал, что демон недостойн честной стали. Целители Двора пытались убрать это полгода. Высшее очищение, святые масла, ампутация по локоть — ничто не брало. Потому что эта рана нанесена не сталью. Она нанесена чистым высокомерием. Она *должна* болеть. Она напоминает мне, что мир состоит из хищников

и еды. И если я перестану чувствовать эту боль, я расслаблюсь. А когда Темный расслабляется, он умирает. Так что проваливай со своим сочувствием. Оно меня бесит.

Он натянул перчатку обратно, намеренно грубо вправляя ткань.

— Мы выдвигаемся через десять минут, — сменил он тон на приказной. — Пойдем через Старый Штрек. Это канализация, соединяющая крепость с нижними уровнями шахт. Самый короткий путь. И самый смердящий. Советую задержать дыхание и не зажигать свет. Мой клинок видит в темноте лучше тебя. А твои фейерверки привлекут каждую голодную крысу и то, что этими крысами управляет, на пять лиг вокруг.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и широким шагом направился к люку дренажной системы, скрытому под перевернутой телегой. Люк представлял собой массивный чугуный диск, покрытый зеленоватой слизью.

Лили проводила его взглядом. Спорить дальше было бессмысленно. Демон выстроил стену из своих травм, гордости и ядовитой крови, и любая попытка проломить ее силой привела бы лишь к взрыву. Но она видела то, чего не видел он. Метка на его груди и яд в руке находились в состоянии хрупкого равновесия. Одно неверное движение, один пропущенный удар Морока, и система пойдет вразнос. Демон сгорит в собственном огне, превратившись в безмозглого берсерка.

Она вздохнула и последовала за ним.

Старый Штрек встретил их темнотой, имеющей плотность и вес.

Спустившись по ржавой лестнице на тридцать метров под уровень земли, они оказались в бетонном туннеле, где воздух был густым от миазмов. Здесь пахло не просто нечистотами. Здесь пахло страхом, десятилетиями стекавшим в эти трубы вместе с дождевой водой. На стенах флуоресцировали лишайники, давая тусклый, больной зеленый свет, в котором капли конденсата на потолке казались каплями кислоты.

Артём шел впереди. Его походка изменилась. Исчезла человеческая угловатость. Он двигался низко, пружинисто, переноса вес на носки сапог. Фламберг в его правой руке был опущен лезвием вниз, касаясь бетона. Там, где проходил зачарованный металл, зеленый свет лишайников мерк, поглощаемый ненасытной природой оружия. За ними оставалась полоса абсолютного мрака.

Лили шла сзади, соблюдая обещанные десять шагов дистанции. Ей приходилось идти осторожно — изящные сапожки для верховой езды плохо подходили для скользких камней, покрытых биопленкой. Несколько раз она поскользнулась, но каждый раз восстанавливала равновесие с кошачьей грацией.

На одном из поворотов потолок стал ниже. Массивная бетонная балка поросла бледными грибами, шляпки которых пульсировали в ритме чужого сердцебиения. Лили пришлось

пригнуться. Один из грибов лопнул, выпустив облачко спор.

Девушка рефлексивно зажала нос рукавом, но было поздно. Споры начали оседать на ее волосах и плаще. Обычный человек начал бы заходиться в кашле, споры вызывали галлюцинации и паралич легких.

Лили остановилась, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Золотистое сияние вспыхнуло вокруг нее, невидимое для глаза, но ощутимое на уровне кожи. Споры, попавшие на нее, мгновенно истлели, обратившись в безвредную пыль. Она очистила небольшую сферу вокруг себя диаметром в пару метров.

Артём услышал изменение звука ее шагов — исчезло тихое шарканье подошв по слизи, остался лишь легкий, чистый стук каблучков. Он остановился так резко, что чуть не врезался в тупик, возникший из-за обвала. Медленно, очень медленно он повернул голову.

— Я сказал не использовать магию, — прошипел он, не повышая голоса, отчего слова прозвучали еще страшнее. Эхо в трубе размножило шипение. — Что это было сейчас? Маленькая вспышечка? Чистюлька испугалась испачкать туфельки?

— Споры пещерной медузы-паразита, — ровным голосом ответила Лили. Она догнала его и встала чуть сбоку, стараясь держать безопасную дистанцию. — Они блокируют дыхательные пути. Через пять минут ты начнешь выплевывать собственные легкие. Я поставила купол очищения. Радиус

— два метра. Твои драгоценные темные чары не пострадают, потому что этот тип грибка нейтрален. Но если ты сделаешь шаг назад, выйдешь за границу — умрешь мучительно. Добро пожаловать под мое крыло, партнер.

Слово «партнер» было выделено едва заметной иронией.

Артём посмотрел сначала на нее, затем на свои сапоги. Затем принялся. Смерд нечистот никуда не делся, но едкий химический запах спор действительно исчез. Он скрипнул зубами. Быть обязанным жизнью существу, чьи волосы сияют в этой грязи, как маяк — это было худшей пыткой, чем любые физические увечья.

— Шевелись, — буркнул он, отворачиваясь. — И передвинь свой пузырь. Ты слепишь мне периферийное зрение. Я чувствую ток воздуха слева. Там ответвление.

Они двинулись дальше.

Туннель начал сужаться. Пришлось идти гуськом. Впереди забрезжил красный, тревожный свет. Не тепло очага, а холодный отблеск вулканического стекла.

Артём вскинул свободную левую руку, приказывая остановиться. Он припал к земле, сливаясь с тенью. Его глаза полностью изменили форму, став похожими на кошачьи, с вертикальными щелочками зрачков. Он впитывал окружающую тьму, становясь ее частью.

Лили замерла позади него. Она не обладала ночным зрением демонов, но ей оно и не требовалось. Она закрыла глаза и расширила восприятие. Мир для нее перестал быть на-

бором визуальных образов и превратился в симфонию энергий. Впереди, за поворотом, она чувствовала пульсацию. Огромную, жадную, болезненную. Десятки мелких сознаний — гоблины, мелкие бесы, одичавшие шахтерские големы — роились вокруг одного гигантского центра. Центр страдал. Он рос, разрывая собственное тело, и плакал черными алмазами. Морок рождался в муках.

— Там большой зал, — шепнула она Артёму на ухо, пользуясь тем, что он вынужден стоять близко в узком проходе. — Около тридцати низших порождений. И одно Сердце. Оно нестабильно. Похоже, процесс трансформации еще не завершен. Оно уязвимо.

— Заткнись, — выдохнул Артём. — Я работаю.

Он протянул вперед левую ладонь, ту самую, с отравленной веной. Раскрыл пальцы. Температура в туннеле упала до нуля. Пар изо рта Лили стал густым и белым. Из пальцев Артёма начала сочиться вязкая, черная субстанция, похожая на жидкую ночь. Она не капала на пол — она зависала в воздухе, собираясь в тугой, вращающийся шар размером с кулак. Шар пульсировал, и с каждым ударом от него расходились волны абсолютного холода. Вода в лужах на полу мгновенно замерзала, покрываясь сложным узором изморози цвета индиго.

— *Бездонный Глас*, — беззвучно произнес Артём.

Шар отделился от его руки и беззвучно полетел вперед, огибая углы. Для обычного зрения он был практически невидим.

дим, лишь легкое искажение перспективы выдавало его траекторию.

Лили знала эту технику. Высшая магия Дома Шепчущего Пламени. Шар проникнет в сознание каждого живого существа в зале. Он найдет их самые глубинные страхи, самые постыдные тайны, самые тяжелые воспоминания. И покажет им всё это одновременно, наложив на реальность. Для жертвы это выглядит как вторжение личного ада внутрь черепной коробки. Большинству гоблинов этого хватит для мгновенного разрыва сердца или впадения в вечную кататонию.

Прошло двадцать секунд. Из зала впереди не донеслось ни звука. Ни визга, ни звона стали. Только тяжелый, влажный хруст, будто кто-то перемалывает гранит челюстями.

Артём удовлетворенно кивнул. — Минус двадцать восемь мелкой швали. Остались крупные. Те, у кого вместо мозгов одни инстинкты выживания. И само Сердце. Готовь свои иголки, святоша. Сейчас начнется танец.

Он рывком выскочил из-за угла, занося фламберг для широкого горизонтального удара.

Зал оказался огромной естественной пещерой, свод которой поддерживали колонны из чистого кристалла соли. В центре пещеры бил гейзер фиолетового света — вырванная жила мифрила, которую пожирал Морок.

Сам монстр возвышался над ними. Он больше не был похож на дерево. Тело состояло из переплетенных человеческих тел, сплавленных воедино черной лавой. Вместо одной

головы у него было семь, расположенных на длинных, суставчатых шеях, как у гидры. Каждая голова имела разное выражение: от младенческой невинности до старческого маразма. Из пастей капала кислота, разъедающая камни.

И прямо сейчас две шеи тянулись к замороженному шару страха. Они не боялись ментальной атаки. Древние ужасы давно утратили способность испытывать личные эмоции, оставшись чистыми механизмами голода. Одна из голов раскрыла пасть шире обычного, формируя воронку.

— Всасывающее дыхание, — констатировал Артём, меня стойку. — Хочет забрать мою магию себе. Грубо.

Вторая голова плюнула струей кипящей слюны.

Артём крутанулся на пятке, уходя с линии атаки с невозможной для его комплекции скоростью. Его плащ взметнулся, но не опал — края ткани растворились в тенях еще в полете. Он рубанул фламбергом по ближайшей шее. Волнистое лезвие прошло сквозь плоть-камень легко, как сквозь дым. Раздался звук, похожий на крик тысячи банши. Черная кровь фонтаном ударила в потолок. Голова мотнулась, но не отлетела. Из среза тут же поползли новые, чудовищно искаженные лица, пытаясь сформировать новую глотку.

— Руби по основанию! — крикнул Артём, отплевываясь от кислотных брызг. — Они регенерируют быстрее, чем я режу!

Лили выступила из прохода. Она не достала оружия. Вместо этого она выставила обе руки вперед, сплетая паль-

цы в сложную фигуру. Между ее ладонями сформировался не сгусток огня, а идеально гладкое зеркальное полотно из уплотненного света.

Один из потоков кислоты, предназначенный для Артёма, ударил в это зеркало. Свет принял удар. Зеркало прогнулось, но выдержало. Более того, угол падения равен углу отражения. Кипящая жидкость, усиленная магией Морока, отразилась от щита и ударила точно в одну из неповрежденных шей твари. Камень зашипел. Кислота начала есть собственную плоть монстра. Одна из семи голов судорожно задергалась, пытаясь перегрызть собственную шею.

Артём на долю секунды замер, наблюдая за этим. Впервые за долгие годы кто-то на поле боя не просто лечил его царапины, а активно менял вектор сражения, используя вражескую атаку против него самого. Это было... эффективно. Почти красиво.

Но моргнув, он вернул лицу привычное циничное выражение.

— Наконец-то польза, — рыкнул он. — Задержи дыхание. Сейчас будет темно.

Он воткнул фламберг глубоко в грудь центральной части туловища монстра. По клинку вверх побежали синие искры короткого замыкания — реакция святого мифрила в рукояти на концентрированную скверну. Артём раскрыл рот в беззвучном крике. Демоническая метка на его груди вспыхнула сверхновой. Вся накопленная энергия убитых в Штреке

тварей, весь запас его личной ярости и боли от отравленной руки хлынули в клинок. Фламберг взорвался.

Это не был взрыв огня. Это был взрыв абсолютного отсутствия. Антисвет. Пятиметровая сфера первородной Тьмы, в которой останавливалось само время. Звук умер. Цвет умер. Даже боль умерла на мгновение.

Морок содрогнулся всем своим многотонным телом. Три его головы просто перестали существовать, стерты из реальности. Плоть в радиусе поражения обратилась в мелкую угольную пыль.

Когда сфера схлопнулась, Артём стоял на коленях, тяжело опираясь на эфес меча, вошедшего в камень пола по самую гарду. Его трясло. Лицо стало мертвенно-серым, по подбородку текла струйка черной крови из носа. Яд из руки распространился выше, охватив плечо сеткой набухших черных вен. Он использовал запрещенный прием, граничащий с самоубийством, истощив резерв до критической отметки.

Оставшиеся четыре головы гидры повернулись к нему. В глазах-мазуте плескался триумф. Мелкие твари, прятавшиеся в тенях и пережившие ментальную атаку благодаря примитивизму, начали выползать из нор, окружая ослабевшего демона.

Лили действовала мгновенно.

Она выбросила правую руку вперед. — *Столп Рассвета!*

С потолка пещеры рухнул столб истинного, неразбавленного солнечного света. Физическое проявление небесной

канцелярии в подzemелье. Столб накрыл Артёма, создав защитный периметр. Монстры, попытавшиеся пересечь грань света, вспыхивали сухим папирусом, не успев даже пискнуть.

А затем она побежала. Прямо к центру пещеры, к пульсирующему гейзеру мифрила, перепрыгивая через дымящиеся останки.

Сердце Морока — огромный черный алмаз размером с быка — висело в воздухе, подвешенное на нитях из человеческой агонии. Оно было открыто. После атаки Артёма защитная оболочка рассыпалась. Ядро было уязвимо.

Одна из оставшихся голов заметила ее. Забыв про истекающего кровью демона, пасть распахнулась. Поток сжатого гравитационного давления — чистая физика массы — устремился к девушке, способный сплющить боевого голема в лист металла.

Лили не стала ставить щит. Она покатила по земле, уходя с траектории кувыркoм, которому позавидовал бы любой акробат. Ее белые одежды моментально покрылись жирной сажой и слизью, потеряв всякий лоск. Оказавшись в десяти метрах от ядра, она вскинула руки.

— *Искупление.*

Это не была атака. Это было прощение. Золотисто-зеленый дождь омыл ядро. Магия входила в структуру алмаза, находя узлы боли. Лили не разрушала магию Морока — это было невозможно, она была слишком сильна и хаотич-

на. Лили предлагала ей альтернативу. Она вкладывала в поток скверны образы покоя, прохладного ручья, материнских объятий. Она буквально уговаривала проклятие прекратить сопротивление.

Черный алмаз на секунду замедлил биение. Поверхность пошла радужной пленкой. Этого хватило.

Артём, собрав остатки воли, выдернул фламберг из камня. Его ноги подкосились. Он сделал шаг, второй, падая на одно колено, но размахнулся из последних сил.

— Умри, — прохрипел он.

Обычный удар. Никакой магии. Просто масса разогнанной стали и ненависти. Фламберг вошел в центр радужной пленки на алмазе.

Реакция была катастрофической. Умиротворяющая магия Лили встретилась с концентратом демонической смерти. Произошел аннигиляционный резонанс. Ядро Морока не взорвалось. Оно *всосалось* само в себя, издав звук ломающейся вселенной. Волна обратного вакуума прокатилась по пещере.

Все оставшиеся головы гидры одновременно лопнули, разбрызгивая не кровь, а чистую энергию. Мелкие твари обратились в пепел. Стены пещеры затрещали, лишенные подпитки.

Артёма швырнуло спиной на колонну. Он впечатался в соль, выбив из легких весь воздух. Меч вылетел из рук и зазвенел по плитам где-то в темноте.

Наступила тишина. Пещера погрузилась во мрак, освещаемый лишь слабым светом лишайников и медленно угасающим ореолом вокруг фигуры Лили.

Она стояла посреди зала, пошатываясь. Ее плащ превратился в лохмотья. На лице и руках были глубокие порезы от соляной крошки. Ресницы слиплись от пыли. Она потратила себя до дна, отдав последние капли жизненной силы на стабилизацию распадающегося пространства.

Артём сполз по колонне на пол. Его трясло. Холод Бездны боролся в его венах с остаточным светом Искупления. Две противоположные стихии внутри одного тела причиняли физическую муку, сравнимую с кипячением изнутри. Черные вены на его руке пульсировали, то отступая, то вновь захватывая территорию. Он поднял голову.

Лили сделала неуверенный шаг в его сторону. Ее миссия была выполнена. Цель уничтожена. Теперь нужно проверить состояние напарника. Профессиональный долг врача и эмпата.

— Не подходи, — голос Артёма был похож на треск льда. Он поднял руку в останавливающем жесте. — Я серьезно, ангел. Еще один дюйм твоего целебного света, и я потеряю контроль. Моя тьма обожрется твоим милосердием и попытается исторгнуть его. Вместе с моими кишками.

Лили остановилась. Расстояние между ними составляло ровно пять шагов. Граница, которую он установил вначале. Она молча отстегнула фляжку с пояса. Внутри была не во-

да, а густая, маслянистая эссенция горных трав. Она сделала небольшой глоток сама — горло саднило от испарений — и аккуратно бросила фляжку к ногам демона. Жидкость плеснула на камни, не долетев до его сапог.

— Пей, — сказала она. — Это восстановит твой сосуд. Твою душу я не трогаю, договорились.

Артём смотрел на фляжку. Потом на нее. В полумраке разрушенной пещеры, сидя в грязи, с лицом, покрытым своей и чужой кровью, он выглядел не как высшее оружие уничтожения. Он выглядел как загнанный в угол мальчишка, которого жестокий мир лишил права на слабость.

Он сгреб фляжку дрожащей рукой, покрытой черной паутиной вен. Поднес ко рту. Зубы клацнули о металл. Он пил долго, захлебываясь, давясь густой жидкостью.

Закончив, он швырнул пустую емкость в стену. Звук разбитого стекла показался пушечным выстрелом в наступившей тишине.

— Твой плащ, — хрипло сказал он, кивая на ее плечи. — Ты выглядела как фарфоровая кукла. Теперь похожа на нищенку из портовых трущоб. Приятно видеть, что грязь к тебе все-таки пристаёт.

Лили опустила взгляд на свои одежды. Действительно, белый шелк был безнадежно испорчен. Левый рукав вовсе отсутствовал, открывая предплечье, украшенное синяками от отдачи магии. Она провела здоровой рукой по лицу, размазывая копоть. Попыталась улыбнуться, но получила кри-

вая, усталая гримаса.

— Главное, что функционал сохранен, — тихо ответила она. — Мы живы. Тварь мертва. Задание выполнено.

— Выполнено, — эхом отозвался Артём.

Он сидел неподвижно еще минуту, просто дыша. Его грудь поднималась и опускалась, пытаясь синхронизировать ритм жизни с остаточным гулом в камнях. Затем он медленно, с видимым усилием поднялся на ноги. Его качнуло. Он оперся о колонну.

Мертвая туша Морока начала стремительно разлагаться, высыхая и превращаясь в обыкновенную гору строительного мусора. Чудо закончилось. Началась химия.

— Нужно уходить, — бросил Артём. — Пока вся та мелочь, что мы пропустили снаружи, не прибежала на запах нашей смерти.

Он нашел глазами свой фламберг. Подошел, поднял его, вытер лезвие краем собственного и без того грязного плаща. Металл больше не поглощал свет. Он был просто тяжелым, уставшим куском стали.

Лили смотрела, как он идет к выходу из пещеры. Его походка снова стала твердой, почти пружинящей. Боль в руке вернулась — он морщился при каждом движении, но скрывал это за маской раздражения.

Она подобрала свою сумку, из которой чудом не выкатились флаконы во время перекатов, и двинулась следом.

Перед самым выходом из зала она остановилась. Оберну-

лась на место, где лежало сердце монстра. Провела пальцами по воздуху, закрывая последнюю энергетическую рану в структуре горы.

— Покойтесь с миром, — прошептала она сотням голов, навсегда запертым в этой породе. — Вас больше никто не побеспокоит.

— Если ты закончила разговаривать с камнями, я буду ждать тебя снаружи, — донесся из туннеля раздраженный голос Артёма. — И попробуй только потратить час на молитву. Я уйду один, контракт позволяет бросить союзника после выполнения цели. Учти, доля награды рассчитывается по времени участия. Каждая минута твоих соплей стоит мне золотых монет.

Лили тихо, совсем не женственно фыркнула в кулак. Впервые за весь день уголок ее губ дернулся вверх в искренней, пусть и горькой усмешке.

Она шагнула в темноту Штрека, навстречу ожидающей ее фигуре демона. Их тени на стене слились в одну на краткий миг, прежде чем снова разойтись на положенное расстояние.

Глава 3. Ночь кошмаров

Лес Запустения не спал никогда.

Даже когда луна, огромная и багровая, как налитый кровью глаз, поднималась над изломанными верхушками мертвых сосен, здесь кипела жизнь. Но это была жизнь искаженная, вывернутая наизнанку первородной тьмой, пропитавшей эту землю столетия назад. Мох под ногами светился болезненным синим цветом, а вместо пения цикад воздух наполнял тихий, многоголосый шепот — деревья переговаривались друг с другом на языке гниения.

Артём выбрал для стоянки небольшую поляну, со всех сторон окруженную валунами, покрытыми черным мхом. Место было тактически грамотным: к нему нельзя было подобраться бесшумно, а узкий проход между камнями легко простреливался огнем. Демон двигался механически. Каждое действие — сбор хвороста (сухого и мертвого, который вспыхнет от одной искры), снятие седельных сумок, заточка кинжала — выполнялось с точностью часового механизма. Его тело требовало отдыха, но разум отказывался сдаваться усталости.

Лили занималась своим лагерем поодаль. Она выбрала место у корней старого вяза, где земля была чуть мягче. Расстелила тонкое походное одеяло, достала котелок. От нее снова начало исходить то самое ненавязчивое тепло, кото-

рое Артём ненавидел больше всего. Оно делало окружающую гнилую сырость еще более невыносимой, подчеркивая чужеродность жизни посреди царства смерти.

— Держи свои благовония при себе, — бросил Артём, методично высекая кресалом искру на пучок сухой травы. Искра попала на трут, пламя лизнуло края, но тут же съежилось, словно подавившись дымом. — Эта дыра жрет магию света. Если будешь фонить слишком ярко, нас сожрут древесные пауки размером с собаку еще до полуночи. И мне придется тратить силы на их разделку, вместо того чтобы спать.

— Я умею дозировать свечение, Артём, — спокойно ответила Лили. Она протянула руку над котелком, и внутри закипела вода, хотя никакого огня под ним не было. Чистая термическая манипуляция без использования стихии. — Твоя паранойя утомляет сильнее, чем переход через горы.

Артём ничего не ответил. Он лишь зыркнул на нее исподлобья желтым взглядом, в котором отражались языки костра. Они поели в молчании. Вяленое мясо, твердые галеты и безвкусная вода из фляг. Еда наемника. Лили пыталась съесть свою порцию ягодного концентрата и сухофруктов, но быстро поняла, что сладкое в этом лесу вызывает рвотный рефлекс — вкус сахара мгновенно вступал в химическую реакцию с миазмами воздуха, превращаясь во рту в смесь пепла и ржавчины. В итоге она ограничилась простой водой.

Когда последние крошки были собраны, Артём расстелил

свой плащ прямо на колючих корнях. У него не было ни одеял, ни палатки. Воины его ранга редко нуждались в комфорте; демоническая кровь позволяла игнорировать холод и жесткость земли. Он лег спиной к огню, положив обнаженный фламберг поперек груди. Оружие служило ему одновременно и якорем рассудка, и лучшей защитой.

Лили долго сидела, глядя в огонь. Ее белые одежды в отблесках пламени казались золотыми. Она перебирала пальцами четки из горного хрусталя, которые носила на запястье, хотя ее вера не требовала материальных атрибутов. Она чувствовала состояние напарника так же ясно, как ощущает садовник болезнь своего лучшего дерева. Аура Артёма напоминала штормовое море, прорвавшуюся плотину. Там, за стеной показного цинизма и бравады, билась слепая, животная паника. Демон боялся засыпать.

Наконец усталость взяла свое. Глаза девушки начали слипаться. Она свернулась клубочком на своем одеяле, подтянув колени к подбородку, и почти мгновенно провалилась в глубокий сон без сновидений. Ее дыхание стало ровным и глубоким.

Как только ритм ее сердца выровнялся, лес вокруг изменился.

Для Артёма тишина сменилась ревом. Шепот деревьев превратился в крики пытаемых. Синее свечение мха стало светом допросных ламп Бездны. Он проваливался в сон рывками, цепляясь за реальность когтями воли, но гравитация

кошмара оказалась сильнее.

Ему семь лет. Подвал Дома Шепчущего Пламени пахнет озоном и паленой шерстью. Отец стоит над ним — высокая фигура, сотканная из дыма и расплавленного золота. В руках отца раскаленный добела штырь. — Ты слаб, — говорит отец, и его голос звучит сразу со всех сторон. — В тебе течет грязная кровь смертной шлюхи. Свет поглотит тебя изнутри, если ты не научишься причинять боль быстрее, чем он лечит. Штырь приближается к левому предплечью маленького Артёма. Боль приходит не сразу. Сначала кожа просто высыхает, трескается, как пергамент. Затем агония взрывается белым пятном, выжигая нервные окончания. — Кричи, — приказывает отец. — Признай свою природу. Скажи, что любишь это. Мальчик сжимает зубы. Из уголка рта течет струйка крови пополам с пеной. Он смотрит на отца своими человеческими, полными слез глазами и произносит: — Я люблю...

Артём дернулся во сне. Его пальцы судорожно впились в рукоять фламберга. Металл зашипел, плаваясь от температуры его ладони.

Кошмар перетек в другую сцену, смазываясь, как восковая фигура над свечой.

Ему двадцать пять. Поле битвы после штурма крепости Воронов. Он стоит по щиколотку в черной жиже, которая недавно была людьми. В руке сердце врага — оно все еще бьется, пульсируя в такт метке Гильдии на его груди. Ря-

дом лежит женщина-рыцарь. Ее серебряные латы пробиты в трех местах. Она смотрит на него снизу вверх. — Почему? — спрашивает она, и вместо крови у нее изо рта идет темный дым. — Мы же были... мы спасли друг друга в Красном Урочище. Артём наклоняется. Его лицо лишено эмоций. Только голод. — Спасение — это кредит, — отвечает он. — А кредиты нужно возвращать с процентами. Процент за твою жизнь сегодня — информация о воротах. Он наступает тяжелым сапогом ей на горло, ломая трахею, пока второй рукой вырывает информацию прямо из конвульсирующего мозга. Теплая кровь заливает его сапоги, смешиваясь с грязью.

Артём захрипел. Его тело выгнулось дугой. Фламберг скатился на землю, глухо ударившись о корень. Демон начал трансформироваться во сне. Это был неконтролируемый процесс, вызванный выбросом адреналина. Кожа на лице натянулась, пожелтев еще сильнее, сквозь нее проступил череп. На кистях рук выросли десятисантиметровые черные когти, разрывая кожаные перчатки в клочья. Зрачки полностью затопили белки, превратив глаза в два колодца жидкой смолы.

Его аура начала расширяться. Первоначально невидимая волна чистой эманации Хаоса покатилась от него во все стороны. Для обычного человека она была бы незаметна, но для флоры Запустения это был сигнал «Охота началась». Синий мох вокруг поляны начал стремительно чернеть и сворачи-

ваться, сгорая в пепел. Спящие в ветвях птицы попадали вниз комками обугленной плоти.

Лили проснулась не от звука. Она проснулась от того, что исчез источник тепла позади. Холод вакуума коснулся ее спины.

Она открыла глаза.

Первое, что она увидела — костер. Пламя погасло. Угли больше не давали света, они стали абсолютно черными кубиками льда, парящими в сантиметре над землей. Температура упала настолько, что дыхание Лили превратилось в густые облачка инея.

Второе, что она увидела — Артёма.

Он стоял на четвереньках посреди поляны. Его спина была неестественно выгнута, лопатки прорвали ткань куртки, выпуская наружу нечто среднее между костяными шипами и перепончатыми крыльями. Воздух вокруг него дрожал и шелушился. Демон тяжело дышал, его грудная клетка работала как кузнечные мехи. Между клыков, выступивших из-под верхней губы, пузырилась черная слюна.

И он смотрел на нее. Прямо на нее. Желтый свет его глаз сфокусировался на хрупкой фигуре ангелицы с хищной, осмысленной жадностью. Это был уже не Артём-наемник. Это был зверь, почуявший самую чистую добычу в своей жизни.

Лили медленно, очень медленно села на своем одеяле. Инстинкт кричал бежать. Каждая фибра ее существа, каждая

нить ангельской ДНК вопила о том, что находиться рядом с нестабильным Высшим Темным — самоубийство. Один удар такой лапы разорвет ее пополам. Одно случайное касание его ауры выжжет ее крылья дотла.

Но контракт связывал их. И долг целителя заставлял остаться.

— Артём, — позвала она тихо. Голос не дрогнул. — Проснись. Кошмар закончился. Ты в безопасности.

Демон издал звук, похожий на скрежет железа по стеклу. Низкий, утробный рык предупреждения. Он не узнал ее имени. Он видел только белое пятно ее ауры — маяк абсолютной чистоты в мире его грязи. Источник пищи или угроза? Звериный мозг колебался долю секунды.

Затем он атаковал.

Это не был прыжок. Это было мгновенное перемещение, стирающее пространство. Только что он был в десяти шагах, и вот его когтистая лапа обрушивается сверху туда, где секунду назад находилась голова Лили.

Девушка ушла перекатом вправо, используя инерцию падения. Земля там, где она только что лежала, взорвалась. Когти прошли сквозь гранит валуна, как сквозь масло, оставив дымящийся черный след. Камень истлевал, соприкасаясь с частичной материализацией Бездны.

— Артём! — выкрикнула она, выставляя перед собой руки. — Очнись! Это я, Лили!

Зверь развернулся с грацией танка. Его челюсти раскры-

лись шире человеческих возможностей, готовясь сомкнуться на ее плече. Из пасти пахло разложением и серой.

Лили сделала единственное, что могла сделать магианна Любви против обезумевшего демона. Она не стала защищаться. Она шагнула *внутрь* его атаки.

Вместо того чтобы ставить щит, она сняла все блоки со своей магии. Обычно любовь требует взаимности, открытия сердца. Но сострадание может быть навязано. Это опасная, запрещенная техника Ордена Рассвета — «Эмпатическое Погружение». Позволить чужой боли стать твоей собственной, разделить безумие, чтобы исцелить его изнутри.

Золотой свет вырвался из ее ладоней, но это был не боевой луч. Это была чистая эмоция. Не вспышка, а теплое, бархатное объятие. Волна безусловного принятия.

Свет окутал Артёма.

Для любого другого существа это было бы подобно погружению в кислоту. Но для демона, чья душа состояла из вечного отрицания и ненависти к самому себе, принятие оказалось страшнее удара мечом.

Тварь замерла. Когтистая лапа зависла в дюйме от лица Лили. Девушка стояла неподвижно, позволяя своему свету проникать в трещины его разума. Она видела всё. Каждый кошмар, каждую каплю вины, каждый момент унижения. Она нырнула в тот самый подвал из его детства, встала между семилетним мальчиком и раскаленным штырем, принимая ожог на себя. Она перехватила руку убийцы на поле

боя, удерживая сапог от горла рыцаря.

— Тише, — шептала она, продолжая излучать свет, который теперь физически удерживал массивную тушу демона на месте, не давая ауре схлопнуться обратно в точку разрушения. — Всё кончено. Тебе не нужно быть сильным каждую секунду. Можно просто уснуть. Я побуду здесь. Я никуда не уйду.

Демон внутри Артёма взвыл. Ему было омерзительно это ощущение уязвимости. Быть пойманным в сети заботы — хуже смерти. Он попытался исторгнуть этот свет, выдохнуть пламя, превратить девушку в пепел. Но каждое усилие лишь глубже затягивало его в золотистый туман. Сопротивляться любви сложнее, чем ненавидеть.

Черные когти втянулись обратно в кожу, оставляя глубокие борозды на собственных ладонях. Костяные наросты на спине с влажным хрустом ушли под лопатки. Морда начала меняться, возвращая человеческие черты, хотя оскал все еще оставался звериным.

Борьба длилась, наверное, целую вечность — секунд тридцать реального времени.

А затем демон рухнул.

Артём упал вперед, лицом вниз, прямо на колени Лили. Его вес мог бы сломать ей ноги, но девушка успела перенаправить часть энергии, создав локальное поле смягчения. Она опустилась на землю вместе с ним, придерживая его тяжелую голову обеими руками, прижимая к своей груди, слов-

но малого ребенка.

Он дрожал. Крупная, бесконтрольная дрожь пробегала по мышцам. Черная слюна капала на белый рукав ее платья, прожигая в ткани аккуратные круглые дырочки.

Лили продолжала гладить его спутанные темные волосы. Ее собственная энергия была на исходе. Эмпатическое погружение вытянуло из нее столько сил, сколько не отнял бы целый день боев. Перед глазами плясали цветные пятна, но она не смела остановиться. Пока ее руки касаются его, барьер держится. Стоит убрать контакт — загнанный внутрь ужас вырвется снова, и тогда он точно ее убьет, придя в полное сознание и осознав произошедшее.

Прошло минут десять. Дыхание Артёма становилось ровнее. Хриплые вдохи сменились тяжелым, но человеческим сном. Трансформация окончательно отступила. Лицо разгладилось, приобретая черты изможденного мужчины, а не чудовища.

Только сейчас Лили позволила себе пошевелиться. Осторожно, миллиметр за миллиметром, она вытащила из-под его головы свою затекшую правую ногу. Артём что-то неразборчиво промычал во сне, пытаясь удержать опору, и прижался щекой к складкам ее плаща.

Лили горько улыбнулась сквозь слезы, которые замерзли на ресницах, не успев скатиться. Она осторожно уложила его голову на свернутое одеяло. Проверила пульс на шее. Ритм был рваным, но стабильным. Яд в руке тоже успокоил-

ся — золотые нити ее магии временно нейтрализовали распространение скверны, заключив отравленные сосуды в подобие кокона.

Она посидела рядом еще немного, восстанавливая собственное дыхание. Затем поднялась. Ноги плохо слушались. Достала из сумки флягу с остатками воды и чистую тряпицу. Намочила ее и принялась аккуратно стирать черную сажу и следы кислоты с лица спящего демона.

Движения были профессиональными, точными. Так медсестра ухаживает за буйным пациентом в лазарете. Никакой брезгливости. Только сосредоточенность.

Артём открыл глаза от ощущения холода.

Было раннее утро. Солнце еще не встало, но небо на востоке посерело. Лес вокруг выглядел обычным — мерзким, сырым, но безопасным. Над поляной стелился густой туман. Костер давно потух, остались лишь серые холмики золы.

Он сел рывком. Голова отозвалась тупым гулом похмелья, помноженного на откат от высшей магии. Мышцы болели так, словно всю ночь таскали на плечах крепостные ворота.

Он сидел на земле, прислонившись спиной к валуну. Кто-то укрыл его его собственным плащом из шкуры василиска. Укрыл тщательно, подоткнув края, чтобы не поддувало.

Рядом, привалившись к тому же валуну, спала Лили. Она сидела на корточках, неловко подогнув одну ногу под себя. Голова была запрокинута назад, рот слегка приоткрыт во

сне. Ее правая рука бессильно лежала на коленях, вся в мелких порезах и ожогах — следах контакта с его кожей ночью. Белое дорожное платье было безнадежно испорчено: левый рукав прогорел до самого плеча, грудь покрывали маслянистые пятна копоти, подол превратился в грязную бахрому.

Она выглядела истощенной. Не просто уставшей, а высушенной до основания, как фрукт, пролежавший на солнце лишнюю неделю.

Воспоминания обрушились на Артёма ледяным водопадом. Подвал. Отец. Рыцарь. Кровь. А потом... Золото. Тепло. Невыносимое, всепрощающее сияние. Кто-то вошел в его личный ад, зажег там свечи и предложил чаю. Кто-то держал его, пока его тошнило собственными страхами. Кто-то стер грязь с его лица.

Артём посмотрел на свои руки. Перчатки отсутствовали. Ногти были коротко острижены, кожа бледная, человеческая, если не считать сеточки черных вен, уходящих под манжеты. Он резко задрал рукав куртки. Рана на предплечье — старый ожог от графа Валирийского — изменилась. Края перестали сочиться гноем. Сама язва закрылась тонким слоем новой, розовой кожи. Скверна не исчезла совсем — яд такого уровня невозможно вывести за одну ночь — но лихорадка прошла. Боль притупилась до терпимого зуда. Магия исцеления высочайшего класса. Та самая, которую он отвергал вчера днем.

Желтые глаза наемника сузились. В них медленно разго-

рался пожар куда более холодный и смертоносный, чем демоническое пламя. Ярость. Оглушающая, звенящая ярость унижения.

Лили пошевелилась во сне. Ресницы дрогнули. Она просыпалась.

Артём действовал быстрее мысли. Одним движением он сбросил с себя плащ. Вторым — схватил девушку за плечо и грубо встряхнул, отрывая от камня.

Лили вскрикнула скорее от неожиданности, чем от боли. Она ударилась затылком о валун, мир перед глазами поплыл. Она открыла глаза и встретилась с бешеным, совершенно ясным взглядом демона.

— Какого... — начала она, пытаясь сфокусироваться.

— Молчать, — прошипел Артём.

Он навис над ней, уперев свободную руку в камень возле ее виска. Его лицо было страдальчески-бледным, но глаза пылали чистой яростью. Он был взбешен не тем, что она вмешалась — любой наемник поблагодарил бы лекаря за спасение от берсерка. Он был взбешен тем, *какона* это сделала. Она видела его голым. Видела ту жалкую, скукожившуюся душу, которую он прятал под слоями жестокости столетиями. Она знала его тайну.

— Что ты... сделала со мной? — процедил он, едва сдерживаясь, чтобы не сжать пальцы на ее горле. Контракт вибрировал предупреждающим разрядом, обжигая грудь, но ярость пересиливала даже физическую боль. — Почему я не

чувствую привычного жара в венах? Где моя сила?

— Я стабилизировала твой метаболизм, — прохрипела Лили, пытаясь отстраниться, но хватка на плече была железной. — Ты находился в фазе неконтролируемой трансформации. Яд в руке конфликтовал с нервной системой. Я купировала приступ и...

— Ты лезла мне в душу! — перебил он ее, приблизив свое лицо вплотную. Капли слюны сорвались с его губ. — Я помню твоё золото. Помню твои липкие, сопливые воспоминания, которыми ты меня накормила! Ты думаешь, я пес, которого можно погладить по голове, и он перестанет кусаться? Ты вошла в мой разум, ангельская дрянь! Копалась там своими чистыми пальчиками!

Лили наконец удалось вырваться. Она отползла вбок, опираясь на руки, и села ровнее, растирая помятое плечо. Страх, который должен был охватить ее при виде разъяренного Высшего Демона, странным образом отсутствовал. Вместо него пришла бесконечная, космическая усталость.

— Я спасла нам обоим жизнь, — тихо сказала она, глядя в сторону. — Если бы я этого не сделала, ты бы либо уничтожил половину леса, привлекая внимание всей местной фауны, либо убил меня. А потом Гильдия содрала бы с тебя кожу за нарушение контракта. Выбирать тебе.

— Выбор будет позже, — пообещал Артём. Он поднялся во весь рост, возвышаясь над ней грозовой тучей. Утренний туман клубился вокруг его ног. — А сейчас послушай меня

внимательно, святоша. Повторять не буду.

Он ткнул в ее сторону указательным пальцем, кончик которого все еще сохранял легкий угольно-черный оттенок. — То, что произошло этой ночью, остается в этой ночи. Ты не видела моего сна. Ты не трогала мою ауру. Если я узнаю, что хоть слово, хоть намек на мое состояние выйдет за пределы твоего гнилого милосердного рта, я найду способ аннулировать этот контракт так, что Совет Семи решит, будто тебя поглотил сам Разлом. Я сделаю твою смерть долгой. Очень долгой. И начну я с того, что вырву твои прекрасные крылышки по одному перу. Поняла меня?

Лили посмотрела на него снизу вверх. В ее синих глазах не было страха. Была только бесконечная печаль человека, который пытается спасти утопающего, а тот в ответ пытается отгрызть ему руку за то, что его вытащили из воды мокрым.

— Я поняла, — ровно ответила она. — Больше никаких попыток стабилизации метаболизма. Никаких целебных зелий. Если твоя рука начнет отваливаться от некроза, я отвернусь и буду смотреть в другую сторону. Если ты начнешь пускать пену и грызть собственные кости, я прикинусь спящей. Твоя драгоценная тьма останется неприкосновенной. Доволен?

Слово «доволен» прозвучало как плевок.

Артём ожидал оправданий. Ожидал слез, извинений, очередного потока божественного всепрощения. Холодная, язвительная покорность сбила его с толку на мгновение. Он

моргнул, отводя взгляд. Желтый огонь в глазах слегка при-
тух, сменившись тяжелой, давящей темнотой.

— Умная девочка, — криво ухмыльнулся он, отворачива-
ясь. — Быстро учишься.

Он подошел к месту, где лежал его фламберг. Подобрал
оружие, проверил лезвие на палец. Клинок был безупречен.
Кто-то потратил время, чтобы очистить его от запекшейся
крови монстра и нанести защитный слой масла.

Артём пристегнул меч к перевязи резким, злым движе-
нием.

— Подъем, — скомандовал он, не глядя на нее. — Через
десять минут выдвигаемся. До Зеленого Листа еще два дня
пути по этому кладбищу. И советую привести себя в поряд-
ок. Твой вид оскорбляет мои эстетические чувства. Выгля-
дишь как портовая девка после хорошей драки.

Лили молча кивнула. Она поднялась на ноги. Суставы
протестующе хрустнули. Каждое движение отзывалось фан-
томной болью в тех местах, где ее жизненная сила сливалась
с его безумием.

Пока Артём собирал остатки их скудного имущества, де-
монстративно игнорируя ее присутствие, Лили подошла к
краю поляны. Набрала в ладони холодной росы с листьев па-
поротника. Попыталась сотворить простое очищающее пле-
тение. Пальцы вспыхнули золотом, но свет получился туск-
лым, мерцающим, как умирающая свеча. Резервуар пуст.
Она буквально выплеснула себя в ту пещеру, гася его кош-

мары.

Она плеснула росой в лицо, стирая грязь. Платье осталось таким же испорченным.

— Можешь поделиться плащом? — спросила она, кутаясь в остатки собственного, продуваемого насквозь одеяния. — Утро холодное. Простыну.

Артём замер с фляжкой в руке. Вопрос повис в воздухе. Простая логика подсказывала: отдать ей половину широкого плаща — рационально. Замерзший спутник замедлит темп, заболит, станет обузой. Кроме того, вторая половина его собственного плаща защитит его от утренней сырости лучше, чем никак.

Но образ вчерашней ночи встал перед глазами. Образ ангела, склонившегося над ним. Образ собственной беспомощности. Отдать ей плащ значило признать факт спасения. Признать связь. Создать физический контакт, согревая ее своим теплом.

Он посмотрел на ее сгоревший рукав, на исхудавшее за ночь лицо, на синеву под глазами.

— Терпи, — отрезал Артём, закидывая сумку на плечо. — Или иди сюда и грейся моим присутствием, раз уж тебе так нравится моя компания. Только учти, если попытаешься наложить на меня руки снова — я сломаю их в трех местах. Начну с пальцев.

Лили проводила его взглядом. Он уже шагнул прочь с поляны, раздвигая сухие ветви с уверенностью хозяина этих

земель.

Она глубоко вздохнула. Собрала остатки гордости и достоинства, которых, казалось, не должно было остаться после такой ночи, расправила плечи и пошла следом.

Впереди, в двух днях пути, ждал Зеленый Лист — провинциальный город, полный людей, шума и нормальной еды. А значит, им предстояло провести еще сорок восемь часов в компании друг друга, соблюдая дистанцию в десять шагов, обмениваясь ядовитыми репликами и делая вид, что ночной инцидент был лишь досадной ошибкой навигации.

Артём шел впереди, чеканя шаг. Его спина была прямой, как древко знамени. Но костяшки пальцев, сжимающих ремень сумки, побелели от напряжения. Демон внутри него был от пережитого унижения, требуя мести, требуя доказать свою силу, убить кого-нибудь, залить этот стыд горячей кровью.

А глубоко под броней злобы, там, где билось настоящее, человеческое сердце полукровки, впервые за много лет шевельнулось чувство, которому он не знал названия. Чувство, похожее на благодарность, перемешанную с желанием забиться в самую глубокую нору и никогда оттуда не выходить.

Глава 4. Ловушка в руинах

Зеленый Лист встретил их запахом гниющих яблок и отчаянием.

Город не был разрушен, как Дозорный Перевал. Он просто умирал медленно, источая миазмы безнадеги. Окна домов были плотно заколочены досками, на улицах не видно было ни души, а рыночная площадь заросла сорной травой по колено. Морок Глубин еще не пришел сюда своими когтистыми лапами, но его дыхание уже отравило почву. Люди сидели по подвалам, ожидая либо спасения, либо конца света — разница между этими понятиями для жителей пограничья давно стерлась.

Артём остановился на вершине холма, глядя на черепичные крыши сквозь пелену морозящего дождя. Его лицо, скрытое тенью капюшона, казалось высеченным из гранита. Последние два дня пути вымотали бы даже стального голема. Постоянная необходимость сдерживать ауру рядом со светлой магианной превратилась в физическую пытку. Каждый вдох рядом с Лили требовал усилия: легкие демона сопротивлялись чистому кислороду ее присутствия, словно он дышал кислотой.

Лили остановилась чуть позади, тяжело опираясь на посох, который она вырезала вчера вечером из упавшей ветки ясеня. Простой кусок дерева, лишенный всяких рун. Ее бе-

лое платье окончательно утратило всякий лоск, превратившись в грязно-серую тряпку, покрытую пятнами смолы и дорожной пыли. Но держалась она прямо. Слишком прямо для человека, отдавшего почти весь свой магический резерв двое суток назад.

— Таверна «Свинья и Подкова», — Артём кивком указал на самое крепкое здание в центре площади. — Если хозяин еще жив, мы получим информацию о шахтах. Если мертв — найдем сухой чердак. Я устал спать на земле.

— В городе царит чума страха, — тихо заметила Лили. — Я чувствую эхо паники. Люди заперли свои сердца так же крепко, как двери. Мы не узнаем ничего добровольно.

— Значит, будем спрашивать недобровольно, — пожал плечами наемник и начал спускаться вниз.

Хозяин таверны оказался жив. Он сидел за стойкой, сжимая в руках ржавый мясницкий тесак, и смотрел на дверь безумными глазами. Когда тяжелые дубовые створки распахнулись, пропуская высокую фигуру в черных доспехах, мужчина икнул и попытался спрятаться под столешницей.

Артём проигнорировал его. Он прошел к самому дальнему столу, сел спиной к стене так, чтобы видеть вход, лестницу на второй этаж и окно одновременно. Профессиональный параноик во всей красе. Он бросил на стол два золотых имперIALа. Металл глухо звякнул.

— Еда. Вода. Комната наверху. Сухая, — бросил он по-

дошедшей подавальщице, женщине с серым лицом и бегающими глазами. — И информация. Где староста? Где стража?

Женщина сглотнула, глядя то на золото, то на рукоять фламберга, торчащую над плечом демона. — Стража ушла три дня назад, господин, — прошептала она. — Сказали, что спустятся в Старый Карьер проверить слухи... Никто не вернулся. Староста Хеймлок заперся в Ратуше с последними ополченцами. Пьют третий день. Говорят, стены шепчут.

— Шепчущие стены — это моя специализация, — улыбнулся Артём, обнажая клыки. Улыбка заставила женщину отшатнуться. — Жратву носи. Быстро.

Когда подавальщица убежала на кухню, трясась всем телом, Артём откинулся на спинку стула. Он посмотрел на Лили, которая села напротив него. Демон брезгливо поморщился, когда край ее рукава задел поверхность стола, оставляя влажный след там, где должна была быть грязь.

— Ты отвратительно выглядишь, — констатировал он. — Как мокрая курица. Сними этот балахон. От тебя разит святостью на милю вокруг. Любой остаточный бесенок учует нас раньше, чем мы успеем достать оружие.

— Это шерсть и лен, Артём, — спокойно ответила Лили, расстегивая верхнюю пуговицу. Она промокла насквозь, волосы прилипли ко лбу. — Моя магия сейчас спит. Я пуста. Я могу исцелить порезанный палец, но не смогу зажечь свечу. Так что твой страх перед моим «сиянием» сегодня неуместен. Можешь расслабиться. На пару дней я просто беспо-

лезная обуза с медицинским образованием.

Она сказала это будничным, уставшим голосом, но слова ударили Артёма сильнее пощечины. *Бесполезная обуза.* Именно этого он хотел. Именно ради этого он выстраивал стену отчуждения последние сутки. Но почему-то вместо удовлетворения он почувствовал лишь новый приступ раздражения. Ему нужен был враг, достойный удара, а не эта бледная девица, разваливающаяся на части.

Подавальщица принесла деревянное блюдо с жареным картофелем (похолодевшим) и двумя кружками мутного эля. Артём придвинул одну к себе, вторую толкнул спутнице.

— Пей, — приказал он. — Алкоголь притупляет эмпатию. Тебе нужно перестать чувствовать этот город, иначе ты сойдешь с ума к вечеру.

Лили посмотрела на желтую жидкость с подозрением, но послушно сделала глоток. Поморщилась, но выпила половину. Тепло действительно начало разливаться по желудку, вытесняя ледяной озноб сырости.

— Карьер находится в миле к северу, — продолжил Артём, методично поглощая остывший картофель пальцами. — Судя по карте Элиаса, именно через него идет кратчайший путь к нижним уровням шахт, где засело Сердце. Вопрос только в том, пробиваться нам с боем или искать обходной путь. Я предпочитаю первый вариант. Мои нервы натянуты как струна, мне нужна драка.

— Прямой штурм истощенной группой самоубийственен,

— возразила Лили. Она отставила эль и начала есть картошку ножом и вилкой, несмотря на отсутствие соуса. Манеры въелись в кровь глубже, чем грязь. — Нам нужны данные разведки. Почему вернулась только голова полковника? Что убило остальных так быстро, что они не успели применить боевую магию?

— Потому что они идиоты, полагающиеся на сталь и громкие титулы, — отрезал Артём. — А я полагаюсь на свою тьму. Которая, напомним, ранга SSS. Мы идем в карьер. Сейчас. До темноты час. Я хочу успеть вскрыть эту гнойную рану до того, как ночные твари выползут на охоту.

Он поднялся, бросив на стол еще несколько монет.

Вход в Старый Карьер выглядел как разверстая пасть гигантского зверя. Широкая просека в скале, заваленная обломками породы. Воздух здесь был густым, тяжелым, пах озоном и медью.

Как только они ступили под каменные своды, произошло две вещи. Первая: факел в руке Артёма вспыхнул ослепительным багровым пламенем, испуская волны жара. Демон удовлетворенно хмыкнул. Магия хаоса работала. Вторая: Лили пошатнулась, схватившись рукой за висок. Посох едва не выпал из ее пальцев.

— Что такое? — рыкнул Артём, мгновенно разворачиваясь и хватая ее за локоть, чтобы не дать упасть. Контракт кольнул предупреждением. — Резонанс, — выдохнула она.

— Здесь везде... остатки молитв. Этот карьер... он был местом паломничества тысячу лет назад. Храм какого-то забытого бога ремесел. Скалы пропитаны святой рудой. Для тебя это должно быть...

— Больно, — закончил за нее Артём.

И это действительно было больно. Не физически. Морально. Каждая крупница камня здесь излучала слабую, но настойчивую вибрацию созидания. Порядок против Хаоса. Свет против Тьмы. Для обычного демона это место стало бы камерой пыток. Для потомка Высшего Дома, чья плоть буквально состоит из антиматерии порядка, это ощущалось как постоянный зуд под кожей, как попытка влезть в одежду на три размера меньше. Его сила встречала сопротивление самой материи мира.

— Прекрасно, — процедил он, отпуская ее руку. — Просто великолепно. Мой билет домой проходит через освященный нужник.

Они двинулись вглубь штрека. Коридоры старого храма-рудника представляли собой лабиринт. Высокие сводчатые потолки поддерживались массивными колоннами, покрытыми резьбой. Барельефы изображали людей, кующих солнце, ткущих время и лепящих горы. Искусство древних поражало своим масштабом, но вызывало у Артёма желание осквернить каждый дюйм этой красоты.

Спустя полчаса блужданий они вышли в огромный подземный амфитеатр. В центре зияла бездна — главный ствол

шахты, уходящий вертикально вниз, в непроглядную темноту. Через нее был перекинут единственный мост. Узкая каменная плита шириной в полтора метра, выглядящая подозрительно новой на фоне древней кладки.

Артём остановился. Желтые глаза сузились, сканируя пространство. Что-то было не так. Воздух над мостом дрожал иначе. Звук капель, падавших со сталактитов, имел странное эхо. Наемник присел, ощупывая камень руками.

— Ловушка, — сказал он наконец. — Старая. Очень старая. Механическая, но завязанная на магии крови. Видишь эти царапины? Кто-то пытался пройти месяц назад. Остался только пепел. Наступишь на центр плиты — активируется прижимной пресс сверху. Нас превратит в тонкий блин. А если попытаемся перелететь...

Он поднял голову. Над мостом, вплетенные в естественные арки пещеры, висели сети из черного металла. Тонкие нити, невидимые снизу, ждали своего часа. — Любое использование левитации или порталов приведет к детонации алхимического заряда. Взрыв будет такой силы, что нас похоронит вместе с горой. Умная западня. Тот, кто ее ставил, знал, что за добычей придут маги.

Лили вышла из-за его спины, всматриваясь в механизм моста. Она прикрыла глаза, переходя на иное зрение. — Печати старые, — согласилась она. — Им больше трехсот лет. Но контур подпитывается извне. Снизу. Там, глубоко, пульсирует нечто... оно дает энергию этому капкану. Мы не смо-

жем разрушить его отсюда.

— Сможем, — хищно осклабился Артём.

Ему надоело осторожничать. Надоело дышать пылью праведности этих стен. Он жаждал выпустить напряжение последних дней. Разрушить что-то великое грубой силой — лучший способ успокоить демоническую натуру.

— Отойди на десять шагов. И заткни уши, — приказал он.

Лили молча отступила в тень колонны, прижавшись спиной к холодному камню. Она знала, что сейчас будет. Полномасштабное применение силы ранга SSS.

Артём вышел на середину зала. Расставил ноги на ширину плеч. Положил ладонь на рукоять фламберга, но не стал вытаскивать клинок. Оружие ему не понадобится.

Он закрыл глаза. Демоническая метка на его груди вспыхнула, прожигая кожаный дублет. Багровая аура вырвалась из пор кожи, окутывая фигуру наемника коконом пульсирующей ненависти. Камень под его ногами пошел трещинами от колоссального давления.

— *Раскол Основания*, — произнес он негромко, но звук его голоса заставил пыль взлететь с пола смерчем.

Это была чистая физика разрушения. Направленный гравитационный импульс, обращенный внутрь структуры. Артём ударил сжатым кулаком воздух перед собой. Волна искажения рванула вперед. Невидимая, беззвучная, она несла в себе суть первородного распада. Там, где проходила волна, законы пространства скукоживались. Древние камни, про-

стоявшие тысячелетия, внезапно вспомнили, что они всего лишь случайный набор молекул.

Мост впереди не взорвался. Он *заплакал*. Песчаник застонал, превращаясь в мелкую крошку. Плита сложилась сама в себя, рухнув в бездну водопадом щебня с оглушительным грохотом. Черные металлические сети выше оборвали крепления и посыпались следом, превратившись в ком спутанной проволоки.

Пыль оседала долго. Артём стоял неподвижно, тяжело дыша. По виску тек пот, смешиваясь с черной венозной кровью, выступившей от перенапряжения. Энергии ушло чудовищно много, но результат того стоил. Путь был свободен. Гора покорила его воле.

— Впечатляет, — раздался тихий голос Лили из полумрака. — Чистая деструкция. Ни капли изящества, зато сколько шума и пыли. Теперь нам придется прыгать через расщелину шириной в пять метров. Или ждать, пока ты восстановишься достаточно, чтобы перенести меня на руках.

Артём резко обернулся. Его желтые глаза все еще светились в темноте, как угли. — Я мог обрушить всю секцию тоннеля! Мог вырезать проход прямо в породе! Проблема решена. Идем дальше.

Он шагнул к краю образовавшейся пропасти. Прыгать на первый взгляд было действительно далеко, но для существа его силы оттолкнуться от края и приземлиться на другой стороне — задача тривиальная. Он перенес вес на заднюю ногу,

готовясь к толчку.

— Стой, — снова сказала Лили. На этот раз в ее голосе лязгнул металл.

Артём замер, медленно повернув голову. Его терпение, никогда не бывшее толстым, сейчас напоминало лист пергамента. — Что еще, лекарь? Решила помолиться за упокой моей души перед прыжком?

Лили вышла из тени колонны. В руке она держала тот самый деревянный посох. Она обошла зал, внимательно изучая стены, минуя взглядом поверженный мост. Затем остановилась у северной стены, той самой, что казалась монолитной скалой.

— Ты смотришь вниз, потому что твоя природа требует падения во тьму, — сказала она, проводя ладонью по кладке. — А решение всегда находилось наверху. Или внутри.

Она трижды постучала костяшками пальцев по определенному камню в узоре барельефа. Ничего не произошло. Тогда она приложила ладонь к другому участку стены, чуть левее. Закрыла глаза. Ее губы зашевелились, произнося слова на древнем языке, звучащем как журчание ручья. Никакой боевой магии. Никаких вспышек. Только резонанс.

Камень под ее ладонью начал нагреваться. Спустя секунду он ушел внутрь стены с мягким щелчком. Раздался гулкий скрежет шестерней, скрытых веками. Северная стена дрогнула. Блоки песчаника начали втягиваться в потолок и уходить в пол, открывая идеально ровный прямоугольный про-

ем. Из проема пахло сухим, теплым воздухом и запахом сухих трав. Никаких ловушек. Никакой крови.

Артём стоял посреди зала, чувствуя себя полным идиотом. Его грандиозное разрушение, стоившее ему литра сил и сожженных нервных окончаний, оказалось ненужным. Святая, которую он считал балластом, решила проблему одним касанием пальца, используя знание архитектуры забытых орденов.

Лили обернулась. Усталость немного отступила, на бледных щеках проступил легкий румянец от концентрации. Она оперлась на посох. — Проход в служебные помещения жрецов, — пояснила она. — Они никогда не пользовались парадными входами, которые проще всего заблокировать. Этот механизм реагирует на частоту покоя. Никакой агрессии. Поэтому твои методы поиска...

— Заткнись, — тихо, очень опасно произнес Артём.

Он подошел к ней. Медленно. Каждый его шаг был выверен. Демон вложил меч в ножны — движение, которое заняло мучительные три секунды. Когда он навис над девушкой, та инстинктивно напряглась, хотя пыталась сохранить маску спокойствия.

— Твоя магия бесполезна в бою, — процедил он, буравя ее взглядом. Его лицо исказилось от смеси унижения и злости. Лицо убийцы, которого обыграли в его же игре. — Ты слышала этот скрежет? Пока ты тут танцевала ритуальные танцы и гладила камни, любой патруль внизу успел бы под-

няться сюда и насадить нас на копыя. Ты потратила минуту драгоценного времени на вежливость с неодушевленным предметом!

Лили выдержала его ярость, не отводя глаз. Лишь крепче сжала посох. — Зато она спасла нас, — ровно парировала она. — Вспомни лес после твоего сна. Вспомни утес, где ты собирался устроить камнепад, чтобы привлечь внимание всех окрестных троллей. Вспомни Глазастика, чьи шеи пришлось рубить дважды, потому что ты бил не туда. Твоя «полезная» магия хаоса хороша, когда нужно превратить врага в фарш. Но когда нужно отличить нажимную плиту от декоративного камня, или найти тайный ход в храме, построенном на логике созидания, твоя единственная стратегия — ломать. Ломать всё подряд. Иногда, демон, замок открывается ключом, а не тараном. Даже если тебе стыдно признавать, что ключ сработал лучше.

Каждое слово било точно в цель. Артём побледнел еще сильнее, хотя это казалось невозможным. Черные вены на его шее и руках стали видны отчетливее. Он чувствовал, как начинает дрожать воздух вокруг него — верный признак потери контроля. Демон внутри рвался наружу, чтобы доказать свою значимость единственным доступным ему способом: заставить эту невыносимую женщину замолчать навсегда.

— Ключ... — повторил он шипением змеи, которой наступили на хвост. — Запомни вот что, ангел. Ключи можно сломать. А таран... — он ткнул пальцем в сторону обру-

шенного моста, — ...таран оставляет после себя широкую дорогу. Мне не нужны секретные лазы, где я буду ползать на карачках. Мне нужен широкий коридор, устланный трупами моих врагов. Поняла? В этом походе ты открываешь двери. Всё остальное — раздавленные черепа, выжженная земля и кишки на потолке — оставь мне. И молись, чтобы следующая дверь открылась быстрее, иначе я начну прорубать туннель прямо через твою грудную клетку, чтобы хоть как-то скоротать ожидание.

Не дожидаясь ответа, он грубо отодвинул ее плечом и шагнул в открывшийся проем.

Коридор за стеной оказался полной противоположностью роскошного амфитеатра. Низкий, узкий, вырубленный в скале примитивными кирками. Пахло мышами и старым воском. Никаких барельефов, только гладкий камень. Идеальное место для засады.

Артём двигался по нему стремительно, пригнувшись, выставив левую руку вперед. Демоническое чутье работало на пределе, сканируя вибрации камня впереди. Он злился. Злился так сильно, что мир вокруг слегка двоился. Она не просто открыла дверь. Она указала ему на его ограниченность. Высший Темный, неспособный отличить архитектурную хитрость от препятствия. Для существа, чей статус строился на абсолютной эффективности, это было хуже смерти.

Лили шла за ним. Спина болела от напряжения, но она старалась держать дистанцию ровно в те самые пять шагов,

которые он установил вначале. Она видела бурю в его ауре. Багровые всполохи гнева переплетались с темно-фиолетовыми нитями уязвленного самолюбия.

«Ты хотела помочь, — думала она, осторожно перешагивая через пучок светящейся плесени. — Ты показала более умный путь. А теперь он ненавидит тебя за собственную глупость». Такова была природа ее дара. Исцеление часто причиняет боль, прежде чем принести облегчение. Особенно когда лечишь раненую гордость.

Коридор закончился тупиком. Обычной каменной кладкой. Артём замер перед ней. Его ноздри раздувались. Очередная стена. Очередная проверка. Если он использует Раскол Основания здесь, в замкнутом пространстве, акустический удар разорвет его собственные барабанные перепонки, а обвал гарантированно похоронит их обоих.

Он скрипнул зубами, поворачиваясь к Лили. В глазах читался вызов. — Ну? — прорычал он. — Открывай. Используй свой «ключ». Посмотрим, как ты справишься, когда нет времени петь песенки. За нами могут наблюдать.

Лили вздохнула. Она подошла к кладке. Приложила ладони. На этот раз она не стала тратить время на деликатность. Она понимала: любая задержка будет использована им как повод для атаки. Она закрыла глаза и сосредоточилась не на стене, а на воздухе заней.

Любой храм имеет систему вентиляции. Древние жрецы нуждались в свежем воздухе для своих благовоний так же,

как и простые смертные. Нужно было найти тягу. Микроскопическое движение воздуха, разницу температур.

Она нашла ее. Узкая щель под самым потолком. Вместо того чтобы искать сложный механизм печати, она применила самую простую бытовую магию. — *Аэрис Минимум*.

Тончайшая струйка сжатого воздуха ударила в щель. Внутри стены что-то сухо щелкнуло. Древний противовес, заржавевший, но все еще работающий, упал под собственным весом. Часть пола перед ними с шуршанием ушла вниз, превращаясь в крутой пандус, ведущий еще глубже во тьму.

Артём издал странный звук — нечто среднее между смехом и кашлем. — Эффективно, — признал он, даже не пытаясь скрыть сарказма. — Почти красиво. Для девчонки, которая вчера плакала над мертвым камнем.

Он первым шагнул на пандус. Камень протестующе закрипел под его весом, но выдержал. — Десять шагов позади, — напомнил он, не оборачиваясь. — И если ты еще раз назовешь мою тактику "недостаточно изящной", я использую следующий обвальчик, чтобы сбросить тебя вниз. Без крыльев полет будет коротким.

Лили ничего не ответила. Она лишь поправила сумку на плече и двинулась следом. Свет от входа в коридор становился все тусклее, пока не исчез совсем. Они погрузились в абсолютный мрак старых шахт, где единственным источником освещения осталось холодное, призрачное сияние, исходящее от самих рук Лили — защитная реакция ее сущности

на враждебную темноту. Позади них остался разгромленный храм, ставший братской могилой для собственной гордыни Артёма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.